

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Кафедра мировой литературы и методики ее преподавания

Габитова Галина Александровна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**Образ героя-интеллигента в постсоветскую эпоху (на материале романа
А. Варламова «Лох»): литературоведческий и методический аспекты**

Направление подготовки 44.03.01 Педагогическое образование

Направленность (профиль) образовательной программы «Литература»

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав.кафедрой:
доцент, кандидат филологических наук
Липнягова Светлана Геннадьевна

15.05.2017
(дата, подпись)

Руководитель:
Старший преподаватель мировой литературы
и методики ее преподавания
Горбенко Александр Юрьевич

11.06.2017
(дата, подпись)

Дата защиты: 22.06.2017г.

Обучающийся: Габитова Г. А.

_____ (дата, подпись)

Оценка _____ (прописью)

Красноярск
2017

Содержание

Введение	3
Глава I. Интеллигенция как феномен отечественной культуры	7
1.1. Генезис и функции интеллигенции в русской культуре.....	7
1.2. Проблема «Интеллигенция и свобода».....	15
Глава II. Образ героя-интеллигента в романе А.Н. Варламова «Лох»	24
2.1. Ключевые мотивы в структуре образа главного героя Александра Тёзкина.....	24
2.2. Духовный и интеллектуальный поиск Тёзкина.....	35
2.3. Образ героя-интеллигента в постсоветскую эпоху (на на материале романа А. Варламова «Лох»): литературоведческий и методический аспекты.....	40
Заключение	50
Список использованной литературы	54
Приложение 1. Урок внеклассного чтения в 11 классе по роману А.Н. Варламова «Лох»	60

Введение

Несмотря на многолетнюю историю изучения, невозможно дать однозначное определение специфическому феномену отечественной интеллигенции. Понятие «интеллигенция» было причиной для споров среди множества исследователей. Как отмечает М.Ю. Лотман, трудности изучения этого феномена обусловлены следующими причинами. Во-первых, на каждом историческом этапе выделяются разные признаки, и если их объединить, то «интеллигент оказывается одиночкой-сектантом, вечно рефлектирующим фанатиком» [Лотман, 1999, 123]. Во-вторых, феномен русской интеллигенции рассматривается, как правило, самими интеллигентами, что затрудняет выработку объективной оценки и независимой точки зрения [там же, 123–124].

Россия, как хорошо известно, была подвержена влиянию западной культуры. Термин «интеллигенция» ведет истоки от западного интеллектуализма, но в ходе своего развития он вбирал в себя свои признаки, связанные с русским менталитетом. Именно это позволяет нам говорить об интеллигенции как о специфическом отечественном социокультурном феномене [Успенский, 1999, 10].

При этом, интеллигенция тесно связана со словесностью. Так, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, Г.С. Морсон и В. Кормер в своих работах называют лучшими представителями интеллигенции литературных персонажей. Они считают, что, пытаясь решить вопрос о том, что такое интеллигенция и какова ее роль в жизни России, исследователи больше рассматривают психологические стороны явления. Важные жизненные ситуации они «интерпретируют сквозь призму литературы». Например, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, изучая психологию внутреннего мира интеллигенции, обращается не к реальным людям, а к Онегину, Печорину. Г.С. Морсон в своих работах представителями интеллигенции называл Лёвина из романа «Анна Каренина», а так и для В. Кормера, обозначающего широту возможного спектра, «интеллигент — это, с одной стороны, Смердяков, а с другой – доктор Живаго» [Лотман, 1999, 147].

Различные категории интеллигенции: учительская, техническая, творческая, разные взгляды на признаки интеллигенции не позволяют дать единого определения термину «интеллигенция». «Любые квалифицированные разговоры об интеллигенции совершенно естественным и органическим образом входят в пространство интеллигентского дискурса» [Лотман, 1999, 125–126].

Особое место в истории отечественной интеллигенции занимает сборник статей о русской интеллигенции «Вехи», авторами которого были Бердяев, Гершензон, Изгоев, Франк и другие крупные мыслители. Они проанализировали феномен русской интеллигенции. Рассмотрели с разных сторон психологию и идеологию русской интеллигенции. Авторы объективно пытались взглянуть на интеллигенцию после революции 1905 года. В этом сборнике уделялось внимание критике радикальной интеллигенции.

После революции 1917 года вышел сборник «Из глубины», который был связан с «Вехами» не только одними и теми же авторами, но и мировоззрением этих авторов. Общий тезис сборников можно определить так: «основное свойство интеллигентского сознания, ставшее причиной его крушения, заключается в безрелигиозном отщепенстве от государства» [Сапов, 2009: 14].

Авторы сборников утверждали, что русская интеллигенция должна нести в себе религию, идеализм, патриотизм, традиционализм и народничество. Это полностью противоречило советским идеологам. Поэтому постсоветское время споры об интеллигенции всё более отходят на периферию интеллектуальной повестки дня. Тем важнее изучение тех относительно немногочисленных художественных произведений, в центре которых рефлексия судьбы интеллигента в постперестроечную эпоху.

Алексей Николаевич Варламов является одним из значительных современных литераторов. Проза Алексея Николаевича Варламова неоднократно удостоивалась высоких оценок в литературной среде – в институциональном плане это подтверждалось вручением литературных премий. Так, в 1995 году Варламов удостоился премии «Антибукер» за повесть «Рождение», а в 2006 году за роман «Лох» получил литературную премию Александра Солженицына.

Из интервью с Захаром Прилепиным: «Затонувший ковчег» и «Купол», и вместе с «Лохом» они в моем понимании образовали некую трилогию 90-х о русской жизни, о ее вирусах, уязвимых местах» [Прилепин, 2009: 46].

По мнению О. С. Сухих, сюжет романа «Лох» воссоздает культурную атмосферу эпохи, отражает субъективный авторский взгляд на политическую и литературную ситуацию в России на рубеже веков, дает представление о духовности и нравственности русского национального характера, о христианском отношении к старшему поколению и людям другой национальности.

Были и такие критики как Павел Басинский, которые обвиняли Варламова в излишней учености. Из интервью с З. Прилепиным видно, что Варламов больше прислушивался к мнению действующих писателей. «Мои взаимоотношения с критикой складывались очень по-разному. И ругали, и хвалили. Но в любом случае, я уверен, что оценка писателем писателя, важнее, чем оценка писателя критиком. Свои лучше понимают и точнее, зачастую жестче, но толковее определяют. Главное же, что я вынес из наблюдений за литературной жизнью: не бойся критика, тебя ругающего. Бойся того, кто хвалит. Бойся вообще этого положения дел, когда тебя обласкали. Сядешь на эту иглу – потом с нее не слезешь» [Прилепин, 2009: 46].

Обзор критических и литературоведческих работ, посвященных произведениям Варламова, позволяет сделать вывод: несмотря на интерес исследователей к творчеству писателя, даже его ключевые произведения (к которым, безусловно, относится роман «Лох») до сих пор остаются недостаточно изученными. Этим определяется **актуальность** настоящей дипломной работы.

Объектом исследования является репрезентации образа героя-интеллекта в романе А. Н. Варламова «Лох».

Предметом исследования являются ключевые мотивы, формирующие образ главного героя романа «Лох»; эстетическое осмысление феномена интеллигенции и трансформаций, произошедших с ее представителями в постперестроечную эпоху.

Цель исследования состоит в изучении специфики репрезентации судьбы отечественной интеллигенции в образе центрального героя романа А.Н. Варламова «Лох».

Поставленная цель определяет решение следующие **задачи**:

1. Определить границы понимания термина «интеллигенция».
2. Выявить в образе главного героя романа А. Н. Варламова «Лох» Александра Тёзкина черты, присущие интеллигенции как социокультурному феномену.
3. Изучить ключевые мотивы и мотивные комплексы, формирующие структуру образа Тёзкина.

Материалом исследования является роман А. Н. Варламова «Лох».

Методы исследования – культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический методы, а также элементы мотивного анализа, описательного и реферативного методов.

Изучив научную литературу по вопросам феномена интеллигенции, мы не обнаружили специального исследования природы и специфики образа героя-интеллигента в романе А. Н. Варламова «Лох». Полагаем, что настоящее исследование поможет возместить этот пробел. Именно этим обусловлена **новизна** данного исследования.

Научно-практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы при разработке элективного курса по русской литературе XX века в старших классах общеобразовательной школы для знакомства и обсуждения на уроках внеклассного чтения. Также нам видится возможность использования отдельных положений настоящей дипломной работы в рамках основных лекционных курсов и спецкурсов для бакалавров филологических факультетов.

Структура работы состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, насчитывающего 64 наименования, и приложения.

Глава I. Интеллигенция как феномен отечественной культуры

1.1. Генезис и функции интеллигенции в русской культуре

Интеллигенция – понятие многогранное и противоречивое, пришедшее из Запада, оно более характерно для России, чем для Запада. Возникшее еще в античности понятие «интеллигенция» в современных западных странах не употребляется. Там популярен термин «интеллектуалы», которым определяют людей, занимающихся профессиональной умственной деятельностью и не претендующих на особую духовную миссию. Западные интеллектуалы прагматичны, деловиты, образованы и компетентны. В русском же понимании в данное понятие вкладывается духовное, нравственное и мессианское предназначение.

С момента возникновения в отечественной культуре представление об интеллигенции стало одним из ключевых в русской общественной жизни и остается таковым на сегодняшний день. Интеллигенция в России не только определяет общественное сознание, но и своей подвижнической деятельностью во многом определяет и формирует нравственные устои общества и русской культуры. Таким образом, без понимания сложившегося представления об интеллигенции в русской культуре, мы не сможем в полной мере судить и об отечественной истории, а точнее – о прошлом, настоящем и будущем нашей страны.

Древнеримский мыслитель Цицерон интеллигенцией называл круг людей, которые занимались мыслительной деятельностью, анализом знаний о жизненных процессах. В трактовке Цицерона, интеллигенция – «это мыслительная способность рациональной души человека, направленная на самосовершенствование и познание окружающего мира» [Гегель, 1959: 234].

В средние века понятие интеллигентности приобретает оттенок теологичности и рассматривается как высший разум. Появляется понятие божественной интеллигенции: «Интеллигенция есть Бог-Слово, вторая ипостась

Божественной Троицы. Бог-Слово, воплотившись в ипостаси Иисуса Христа, основал на земле Церковь; Христос был и остается Главой Церкви. Следовательно, здесь, на земле, Церковь есть носительница божественной интеллигенции: ей вручены Откровение и благодатные дары, благодаря которым Церковь наделена высшей способностью понимания, или интеллигенцией» [Степанов, 1997: 610].

Во времена Реформации и Просвещения в западной мысли сосуществуют две трактовки: богословская и гуманистическая. В трудах П. Помпонацци о материальности души, мы видим рассуждения о том, что интеллигенция – это есть ум и душа человека. И. Г. Фихте указывал, что «Интеллигенция – это способность к познанию – способ деятельности человеческого духа, сутью которого является сила воображения, представление, рефлексия». Наиболее полную и обобщенную трактовку понятия в работе Гегеля «Философия духа», в которой философ определяет интеллигенцию как форму теоретического духа, деятельность которого направлена на «познание, созерцание предмета и развития самого себя», т.е. интеллигенция есть общечеловеческая способность постигать природу вещей. Но Гегель отмечает так же, что «способность постигать природу и бытие дается человеку совершенно свободно, но при условии, что человек заботится и о своем народе и государстве» [Гегель, 1959: 323].

Можно сделать вывод, что каждый человек, который познает мир, помогает государству улучшить жизнь, будет интеллигентен. Иными словами, практически уравниваются понятия гражданин своей страны и интеллигент. Быть интеллигентом можно и, не имея должного образования, и не имея определенного социального статуса. Интеллигенция – у средневековых и европейских мыслителей – высшая форма познания, связанная с непосредственным умным созерцанием и целостным пониманием мира. Так же термин «интеллигенция» используется для обозначения особого социального слоя людей, занятого преимущественно умственным трудом. С этих позиций интеллигентом, в европейском понимании интеллектуалом, следует считать человека (независимо от его социального статуса), который обладает

«синтетическим теоретическим разумом и одновременно обостренной нравственно-практической интуицией, то есть разумом (или интеллигенцией) сердца» [Словарь философских терминов, 2007: 204].

Тема интеллигенции в России имеет свою историю. Большую роль внесла в это понятие русская классическая литература. Многие авторы изучали происхождение и понятие термина «интеллигенция» и они по-разному определяли истоки интеллигенции в России. Например, доктор наук, профессор Веселов высказал о том, что в литературу термин начинает входить еще со времен поэта В. Тредиаковского. Признаки интеллигенции можно увидеть в образах персонажей таких писателей, как А. Пушкин, А. П. Чехов. Это говорит о том, что вопросы об интеллигенции рассматривали не только в исторической науке, но и в литературоведении [Степун: 1993: 6].

Начиная с XIX века, ни одно понятие не привлекало такого пристального внимания, как «интеллигенция». Одна из причин этого интереса связана с особой роли ее в жизни русского общества. Тема об интеллигенции становится одной из главных в русской жизни конца XIX. В это время сложилось понимание об интеллигенции, «с одной стороны, общество может предъявить интеллигенции свои требования, с другой стороны, интеллигенция стала формировать общественное сознание и своей деятельностью определять нравственные устои общества и русской культуры» [Булгаков, 2011: С.41].

Об интеллигенции как об особом социальном слое, по мнению философа Георгия Федотова, заговорили с петровской эпохи: «Петр I оставил после себя три линии преемников: 1) проходимцев и беспринципных авантюристов, на целые десятилетия заполнивших авансцену русской жизни; 2) государственных мужей, строителей империи, 3) просветителей-западников от Ломоносова до Пушкина» [Федотов, 1990. С.185]. На пересечении этих линий и формировалась русская интеллигенция, ставшая единственным и неповторимым явлением истории.

Русская интеллигенция ведет истоки от западного интеллектуализма, но в ходе своего развития на каждом историческом этапе она вбирала в себя свои

признаки, связанные с русским менталитетом. Именно это позволяет нам говорить об интеллигенции как о культурном феномене России. Уникальность русской интеллигенции объяснил советский писатель В. Шукшин: «Что есть интеллигентный человек? Это беспокойная совесть. И сострадание судьбе народа. Но и это не всё. Интеллигент знает, что интеллигентность не самоцель» [Шукшин, 1974: 120]. Можно сделать вывод, что для русской интеллигенции важна судьба страны, а значит и судьба народа. Русская интеллигенция несет ответственность за моральные и нравственные устои общества.

В русской истории принято считать, что термин «интеллигенция» ввел русский журналист Петр Боборыкин: «я пустил в обращение в русский литературный язык или жаргон, как угодно, это самое слово «интеллигенция», придав ему то значение, какое оно из остальных европейских литератур и пресс приобрело только у немцев: интеллигенция, то есть самый образованный, культурный и передовой слой общества известной страны. Тогда же я присоединил к нему одно прилагательное и одно существительное, которые получили точно такое же распространение «интеллигент» и «интеллигентный»» [Боборыкин, 1904:80-81]. Боборыкин считал, что к интеллигенции относятся люди разных слоев общества и различных профессий и политических взглядов, но их обязательно должны связывать духовно-моральные устои .

По мнению Бориса Успенского интеллигенция служит народу, но при этом противопоставляет себя власти. Может меняться власть, могут меняться политические взгляды у народа, что отражается на поведении интеллигенции, но структура противопоставления себя и власти остается [Успенский, 1994: 186]. Это противопоставление проявляется к политическому режиму к религиозным и идеологическим установкам. И как считал Б. Успенский именно противостояния объединяют интеллигенцию разных поколений: интеллигенция всегда против власти и разного рода деспотизма, доминации. Например, русская интеллигенция не верит в Бога в религиозном обществе и религиозна в неверующем обществе: «Слабость русской интеллигенции как идеологического движения заключается в том, что её объединяет не столько идеологическая программа, сколько традиция

противостояния, негативные признаки. В результате, находясь в оппозиции к доминирующим в социуме институтам, она, в сущности, находится в зависимости от них, таким образом, при изменении стандартов меняется характер оппозиционности, конкретные формы ее проявления» [Успенский, 1996: 67].

Мы можем прийти к выводу, что русская интеллигенция не может входить в государственный аппарат, не может участвовать в государственной деятельности, так как она оппозиционна для него. Интеллигенция, отказываясь от государственной власти, противопоставляет ей духовные ценности. Борис Успенский, как и другие исследователи, не дает четкого определения интеллигенции, но мы можем выделить два признака: носитель духовных ценностей и оппозиция к власти.

Другим взглядом смотрел Лихачев на происхождение русской интеллигенции. Как и Бердяев, Овсянко-Куликовский, Лихачев связывал русскую интеллигенцию со «свободным мышлением и мировоззренческим поведением» [Лихачев, 1993: 3]. Не согласившись с Федотовым, он утверждал, что интеллигенции во времена правления Петра I не могло быть. Интеллигенция должна включать в себя два признака: образованность и свободомыслие. Петр I привлекал к государственным делам людей, которые беспрекословно исполняли его поручения, а людей мыслящих он избегал [Лихачев, 1993: 5]. Не всех образованных людей Лихачев относил к интеллигенции «я очень ценю профессионалов и профессионализм, но это не всегда совпадает с тем, что я называю интеллигентами и интеллигентностью» [Лихачев, 1993: 4].

Важным в интеллигенции он считал нравственные устои, которые основывались на совести. «Совесть не только ангел-хранитель человеческой чести, - это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни, особенно современной» [Лихачев, 1993: 4]. К первым русским интеллигентам конца 18 начала 19 веков Лихачев относил Сумарокова, Новикова, Карамзина, Радищева. В словах Радищева «я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала» можно понять

тип русской интеллигенции, который основывается на сострадании и человечестве.

Лихачев четко разграничивал интеллигентов и не интеллигентов. «К ним нельзя отнести даже Державина – слишком он зависел от власти. Пушкин несомненный интеллигент. Он не получал золотых табакерок и хотя жил в основном от гонораров, но в своем творчестве он не зависел от них, он шел свободной дорогой» [Лихачев, 1993: 6].

Но Лихачев соглашался с Успенским в том, что интеллигенция не может относиться к дворянству. Идеология дворянства – это идея службы царю, государству, государственной системе. Идеология интеллигенции – это идея службы обществу.

По мнению Г. Федотова, значительную роль в русской интеллигенции принадлежала выходцам из сословия. Первыми интеллигентами были священники и монахи. [Федотов, 1991: 108].

Как пишет Ильин, понятие интеллигенции появляется с появлением первых образованных людей из не дворянских сословий, которые должны были обучать таких же людей, как они сами. В этом заключается психологический настрой интеллигенции. «Чехов, сын таганрогского лавочника, смог окончить гимназию и университет, он чувствует себя обязанным постараться, чтобы следующее поколение лавочниковых сыновей могло быстрее и легче почувствовать себя полноценными людьми, нежели он. Если и они будут вести себя, как он, то постепенно просвещение и чувство человеческого достоинства распространятся на весь народ» [Ильин, 1993: 275].

По мнению Чехова, человек должен воспитывать в себе интеллигента. Интеллигентность проявляется не в знании, а в умении себя вести в обществе, в умении понимать и оценивать по достоинству другого человека и окружающий мир. Человек с внутренней красотой эти качества может развить в себе тренировками и самовоспитанием. В своих письмах брату он прописывает восемь правил, которые помогут человеку стать настоящим интеллигентом.

Революция 1789 года и вся серия европейских изменила положение и интеллигенции. «Исчезли меценаты: работникам умственной деятельности пришлось группироваться вокруг университетов, академий, жить чиновниками на постах вроде консульских или библиотечарских; наиболее удачливые получают возможность жить литературной работой, наименее удачливые отслаиваются в богему. Стали стираться грани: в образовании разница между студентами из дворян и не дворян сменяется разницей выходцами из богатых и бедных» [Дегтярев,1993: 257]. Интеллигенция оформляется как социальная группа.

На рубеже столетий тема интеллигенции выходит за пределы литературы, становясь предметом для обсуждения социологов и философов. Особая роль принадлежит сборнику «Вехи», представленному статьями Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А.С. Изгоева, П.Б. Струве, С. Л. Франка и другими авторами. Все авторы «Вех» «сосредоточились, на религиозно-этических аспектах мирозерцания русской интеллигенции, а также на ее роли в судьбе» [Вехи, 1991: 235].

Появление сборника весьма полемичного по сути, стало свидетельством того, что «интеллигенция», получив развитие в XIX веке, актуализировалось, так как на рубеже столетий в России начались социально-экономические и культурные изменения. В результате в литературе конца девятнадцатого столетия наряду с традиционными вопросами русской жизни обозначился еще один – русская интеллигенция, ее судьба и судьба народа. Так, в конце XIX века «тема интеллигенции приходит на смену многим традиционным темам русской классической литературы, а интеллигент, воспринимающийся как герой времени закономерно становится и героем литературы. Вместе с темой интеллигенции формировалось и представление об интеллигентности» [Арсеньев, 1995, 70].

К интеллигенции причисляли и студентов, так как для многих жизнь интеллигента начиналась со студенческой скамьи. В России второй половины XIX века интеллигентность во многом определялась отношением к культуре в ее этическом понимании, что зависело не столько от уровня образования, сколько

от ценностных ориентиров личности, и требовало постоянного осмысления. «П.Д. Боборыкин, один из тех, с чьим именем непосредственно связана история становления данного понятия в русской жизни и в русской литературе» [Арсеньев, 59].

В конце XIX века понятие «интеллигентность» получило новую окраску благодаря А. П. Чехову, одному из лучших русских писателей этого периода, который своим творчеством способствовал появлению определенного типа названного впоследствии «чеховским». Героем Чехова становится обыкновенный, внешне ничем не примечательный человек. Однако в действительности это человек особенный, и особенность его заключается в постоянном стремлении к нравственному обновлению мира. Именно интеллигентское сознание, духовный мир русского интеллигента оказываются в центре внимания русской литературы конца XIX века и, прежде всего, А. П. Чехова, а также всего того широкого писательского круга, который получил в литературоведении определение «писатели чеховской поры» [Байрау, 1994: 122].

Традиционно сюда включают и тех, чье творчество составило литературный контекст чеховского времени, и тех, кого сам Чехов назвал «артелью» 1880-х годов.

Интеллигентность в понимании А. П. Чехова – это свойство личности, проявление индивидуальных особенностей человека, чем сословная характеристика. Вопрос о нравственной состоятельности общества писатель считал вопросом отдельных личностей именно из интеллигентской среды

Осмысление общественного и нравственного статуса интеллигенции, ее роли в судьбах России вызывало отнюдь не праздный интерес. Чеховские герои – учителя, студенты художники, врачи, музыканты – воплощение типичных черт русской интеллигенции. Среди них нет выдающихся личностей, они не участниками великих событий, но именно с ними, с их напряженным ожиданием лучшей жизни, каким-то недосказанным настроением связаны авторские представления о нравственных устоях личности, в конечном счете о менталитете русского человека. Заметим, что у Чехова есть не только положительные герои,

как доктор Дымов из рассказа «Попрыгунья», но и отрицательные герои, как доктор Старцев из «Ионыч», однако подобные противопоставления никак не мешают целостному восприятию образа русской интеллигенции, образа взятого из русской действительности 1880-х годов и воссозданного талантом писателя.

Каждый период бурно меняющейся русской жизни привносил в понятие «интеллигентность» свое видение, в результате на протяжении XIX века сложилось некое общее понимание, которое в целом уже не подвергалось сомнению, находя отражение, то в образе «лишнего человека», то героя-разночинца или представителя народного движения [Байрау, 1994: 114].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что, под «интеллигенцией» мы понимаем социальную группу, которая складывается из разных слоев общества, занимается умственной деятельностью, декларирует своё служение народу и, как правило, находится в оппозиции к власти. Кроме того, как говорил Юрий Михайлович Лотман, для интеллигента характерна установка на понимание Другого, на диалог. Но и к такому писателю, как Солженицын, мы не можем не прислушаться. В его понимании интеллигенция после 1950 – 1960 годов строится на нравственных аспектах. И соглашаемся с Петром Струве, что интеллигенция отделяется от образованного класса.

1.2. Проблема «Интеллигенция и свобода»

Традиционно такие понятия как русская классическая литература и интеллигенция, в сознании российского общества, а также в исследовательских работах переплетаются и выступают как одно целое. Наверное, это справедливо и оправданно, поскольку во многом с русской литературой связано наше представление об интеллигенции и конкретно – о русском интеллигенте. Несмотря на то, что существует два основных подхода к толкованию понятия «интеллигенция» – культурологический и социологический, мы вольно или невольно соотносим содержание этого понятия прежде всего, с русской классической литературой XIX в. Более того, «так сложилось в истории

культуры, что именно отечественная литература в значительной степени способствовала формированию представлений о характере русского интеллигента и его отличительных свойствах. Это понимание добра и зла, правды и справедливости, долга и чувства о ответственности, совести и порядочности, значения духовных ценностей в жизни человека и общества» [Герцен, 1993: 25].

В самой сущности русской интеллигенции заложена «двойственность: с одной стороны, она является результатом попытки создания образованной прослойки общества по европейскому образцу – своего рода интеллектуальной элиты – и не учитывать эту соотнесенность с Западом было бы непозволительной ошибкой, а с другой стороны – влияние русского менталитета, также не учитывать нельзя» [Герцен, 1993: 26].

Жертвенность является одной из центральных составляющих русской интеллигенции, причем самым непосредственным образом связанной с проблемой свободы: интеллигент-революционер жертвует собственным благополучием, а в идеале – и жизнью ради свободы и счастья других, а именно народа. Как отметил Давидович: «Этот интеллигентский лейтмотив имеет двойственное происхождение несмотря на то, что дореволюционная интеллигенция в целом характеризовалась как антиаристократическим, так и атеистическим настроем. Он восходит, с одной стороны, к традициям революционности российского дворянства, например, Герцен называет декабристов «воинами-сподвижниками, вышедшие сознательно на явную гибель» и «мучениками будущего», а с другой стороны, к библейским формулам типа «душу свою за други своя» [Давидович, 1993: 110].

Жертвенность оказывается гораздо более устойчивым аспектом, нежели любые политические, идеологические разногласия в среде русских интеллигентов. Так, по А. И. Солженицыну «проход в духовное будущее открыт только <...> через сознательную, добровольную жертву. Меняются времена, меняются масштабы. 100 лет назад у русских интеллигентов считалось жертвой пойти на смертную казнь. Сейчас представляется жертвой – рискнуть получить

административное взыскание. И по приниженности запуганных характеров это не легче» [Солженицын, 1977: 127].

Солженицын далее помечает, что «административные взыскания упомянуты в риторических целях – жертва, имеется в виду, самая что ни на есть настоящая: «Из прошедших (и в пути погибших) одиночек составитя эта элита, кристаллизующая народ» [Солженицын, 1977: 128].

Очень интересен тот факт, что к приносящей искупление жертве Солженицын зовет не кого-нибудь, а все тех же ругаемых им «образованцев». Точнее их детей, так как он считает, что жертва должна быть безвинной. «Осваивать жестокий Северо-восток <...> придется нашим излюбленным образованским детям, а не ждать, чтобы мещанство ехало вперед <...> Из нынешней презренной аморфности никакого прохода в будущее не оставлено нам, кроме открытой личной и преимущественно публичной жертвы» [Солженицын, 1977: 127–128].

В восемнадцатом веке Иванов-Разумник историю развития интеллигенции полностью соотносил с историей русской культуры и общественной мысли. «История русской общественной мысли есть история русской интеллигенции» [Иванов-Разумник, 1993: 73].

Через пол века с ним соглашается критик интеллигенции Владимир Кормер «Проблема интеллигенции – ключевая в русской истории – так начинает он свое, в 1969 году антиинтеллигентское эссе. Интеллигенция скорее готова признать свою ответственность за октябрьский переворот и последовавшую за ним катастрофу, чем согласиться с тем, что она фактического влияния на ход событий не оказывала вовсе» [Кормер, 1997: 209].

Русская интеллигенция не вписывается в структуру общества. Она не подходит ни под одну классификацию социальных сословий. «В социально-структурированном обществе, как и в дореволюционном сословном, так и в советском «бесклассовом», интеллигенция выделяется сугубой неприкаянностью, она как бы вообще не от мира сего» [Лотман, 1975: 82]. Интеллигенция – это

исключительная часть общества, которая сочетает в себе принципиальную демократичность убеждений с элитарностью психологических установок.

Определить интеллигента можно по его чувствам, мыслям и, самое главное, его речи, для кого он говорит. Самоопределение посредством принадлежности к языку характерно – во всяком случае в плане психологическом – не столько для группировок социального, сколько национального типа.

Интеллигенты, как оппозиция власти, искали правду и несли в народ эту правду, постоянно обрушивались на все институты российской власти и на все нормы и традиции общественного устройства. Из-за этого им постоянно приходилось выслушивать встречные обвинения из-за отсутствия патриотизма, пренебрежении национальными интересами.

Отмеченное «отщепенство» русской интеллигенции проявлялось в оторванности не только от своей социальной среды, или даже народа вообще, но и в отрыве от почвы: «русская интеллигенция есть группа, движение и традиция объединяемая идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей» [Федотов, 1991: 71–72].

Для Михайловского, как отметил Штурман, основным качеством интеллигенции является ее правдолюбие, но «правда эта особая, синтетическая, в которой неразрывно связываются правда-справедливость с правдой-истиной» [Штурман, 1993: 37]. В предложенном в «Образованщине» проекте А. И. Солженицын под видом критики интеллигенции «возрождает все ту же парадигму: его интеллигенция будущего, временно называемая жертвенной элитой, в перспективе – праведники, соединяющие в себе правду с праведностью» [Солженицын, 1977: 127–128].

В «Письмах о правде и неправде» Михайловский идет еще дальше и формулирует три условия, которые взаимосвязаны и не нераздельны – это «условия «системы Правды» требующей такого принципа, который давал бы ответы на все запросы: 1) науки 2) совести и делал бы это с такой силою, чтобы прозелит с религиозной преданностью влекся к тому, в чем принцип системы полагает счастье» [Михайловский, 1909: 405–406].

Впервые правду и истину противопоставил, по-видимому, Тургенев в стихотворении в прозе «Истина и правда», и в этом противопоставлении решительно взял сторону правды. В еще более заостренном виде эта же идея проводится в стихотворении в прозе «Молитва», которое может быть интерпретировано как утверждение принципиальной не истинности правды: «Всякая молитва сводится на следующую: «Великий Боже, сделай, чтобы дважды два – не было четыре» [Тургенев, 1982: 172].

Одновременно с интеллигентским дискурсом начал разрабатываться и противостоящий ему дискурс – антиинтеллигентский. Выработанный полностью в рамках этого дискурса концептуальный комплекс стал называться «Русской Идеей».

«Русская идея» имела две особенности. Первая особенность заключалась в том, что по своей сути это была критика критики. Вторая особенность заключалась в том, что многие представители «Русской Идеи» относились когда-то к тем же интеллигентам или в своем развитии приобрели интеллигентский признак, они стали «отщепенцами от отщепенцев». Это не относилось к старшим славянофилам. «При характеристике таких фигур как Достоевский или Розанов последнее обстоятельство нужно иметь постоянно в виду: закон отрицания отрицания в дискурсивной сфере не действует; страстная тоска по соборности, общинности и т. п. есть тоска отщепенца, которому нет пути назад» [Лотман, 1997: 142].

Таким образом, по мнению Шмидта, «Русская Идея» существует в основных версиях. Первая начала активно разрабатываться двумя между собой никак не связанными группами: патриотически настроенными литераторами, преимущественно разночинского происхождения, и старшим поколением славянофилов. «Как идеи так и психологический склад представителей группировок принципиально различались: у Полевого, Кукольника, Булгарина и других национальная идея есть, в первую очередь, идея государственная, для славянофилов же, напротив, народ и государство, вполне в интеллигентском

духе, противопоставлены друг другу» [Шмидт, 1996: 409]. Народность и государственность в последующем будет характерна для «Русской Идеи».

Интеллигенция и представители «Русской Идеи» рассматривают одни и те же вопросы, только взгляды у них разные. Поэтому происходит некоторое слияние интеллигентского и антиинтеллигентского дискурсов, постоянная переаттестация терминов и связанных с ними обвинений.

До сих пор мы рассматривали интеллигентский дискурс и дискурс «Русской Идеи» в их дополнительности. Действительно, «значительное большинство русских интеллектуалов делали определенный и осознанный выбор в пользу одного из них, случаи смены дискурса были редки и лишь подтверждают правило, поскольку воспринимаются как эксцесс и измена» [Федотов, 1991: 119].

На фоне этой разделенности постоянно, особенно из лагеря «Русской Идеи», раздаются призывы к единению, к созданию национально мыслящей интеллигенции. Любопытно, что при этом почти всегда имеется в виду одна и та же схема «существующая жалкая интеллигенция должна очиститься от своих грехов и заблуждений и проникнуться национальной мыслью, в то время как противоположная и, казалось бы, более простая возможность, связанная с передачей внешнего «интеллигентского лоска» национально ориентированной не только не обсуждается, но и, кажется не осознается. Однако призывы эти остаются безрезультатными, поскольку оказывается, что синтез здесь практически не достижим и интеллигенты-«рenegаты» по каким-то причинам весьма стремительно свою интеллигентность теряют» [Федотов, 1991: 118].

Как считает Хомяков, одной из наиболее характерных особенностей интеллигентского дискурса является его выраженная ориентация на художественную литературу. «Ориентация эта – двоякая, она в равной мере касается как интеллигентского текста, так и его метатекста. Во-первых, интеллигенту свойственно «делать жизнь» с того или иного литературного персонажа, равно как и интерпретировать жизненную ситуацию сквозь призму литературы, то есть жизнь по отношению к литературе вторична. Во-вторых, заходит речь о типичных интеллигентах, то в качестве примеров таковых

фигурируют не столько реальные люди, сколько литературные персонажи, последние выступают в функции своего рода «эталонных» интеллигентов» [Хомяков, 1997: 7–10].

В исследованиях Ильина замечено, что в изданной в 1910-1911-х годах трехтомник «История русской интеллигенции» Д. Н. Овсяннико-Куликовского нет имен ни Мещерского, ни Каткова, ни Победоносцева, ни Розанова, ни других интеллигентов-реакционеров, но зато значительное место занимают Лаврецкие и Обломовы; более того, такая ориентация исследования имеет для автора принципиальное методологическое значение. «Предлагаемая книга представляет собою ряд этюдов по психологии русской интеллигенции XIX века, преимущественно по данным художественной литературы. На первый план выдвигаются тут так называемые «общественно-психологические» типы, Чацкий, Онегин, Рудин и другие» [Ильин, 1993: 279].

Ильин обратил внимание, что производится двойная подмена вместо реальных людей и исторических типов рассматриваются литературные герои, а результаты этого анализа выдаются за исследования самой «жизни»: Онегин с Печориным оказываются не литературными героями, а общественно-психологическими типами. Так, и для В. Кормера «интеллигент – это, с одной стороны, Смердяков, а с другой стороны – доктор Живаго (последнего он решительно осуждает, более того: доходит до того, что весь роман посвящен обличению интеллигента Живаго)» [Ильин, 1993: 280].

Итак, по мнению Лотмана, «интеллигент – это, в первую очередь литературный тип (вроде пресловутого лишнего человека – не случайно, что эти типажи интерферируют), литературна его сущность, литературно происхождение: «откуда. к примеру, взялось само слово «интеллигент»? Вообще говоря, неизвестно, но говорится об этом обыкновенно в том духе, что у Святополка-Мирского где-то сказано, что у Боборыкина в каком-то романе какой-то персонаж произносит это слово – интеллигенция происходит из слов, сказанных по поводу слов» [Лотман, 1996: 411].

И как утверждает Лотман, это уже не просто литературность, а мифология: миф о происхождении ниоткуда, рождении из ничего. Истоки интеллигенции не известны, генеалогия ее фиктивна и фантастична. «Мифологичность пронизывает все мироощущение интеллигенции с ее утопическим эсхатологизмом, профетизмом, постоянными мифическими страхами и специфическими интеллигентскими суевериями. Весь интеллигентский дискурс в основе своей глубоко мифологичен и все рассмотренные выше его параметры суть своего рода мифологемы» [Лотман, 1996: 434].

Мифологична и интеллигентская авторефлексия, правда мифология здесь иная. «Интеллигентский дискурс принципиально прогрессивен, он направлен вперед, из ничего – во все, из прошлого – в будущее, кодируемое в терминах утопии и эсхатологии. Метаинтеллигентский дискурс, напротив, регрессивный, в основе его лежит мифологический комплекс золотого века. Интеллигенция, царственная по своему происхождению (она – детище Петра I), имела блистательное прошлое, которого современная интеллигенция не достойна, как и своего имени» [Лотман, 1996: 511].

По мнению Успенского и Лотмана, если с точки зрения исходного интеллигентского мифа: «интеллигенция – есть люди, малый остаток – переживет гибель (старого) мира и узрит новое небо и новую землю, то рефлектирующая интеллигенция разрабатывает противоположный миф: интеллигенция умерла, а жизнь продолжается. Впрочем, тут же, как правило, добавлялось: интеллигенция мертва, но она возродится» [Лотман, 1996: 354].

Все рассматриваемые проблемы, все споры между интеллигенцией и сторонниками «Русской Идеи» - это есть ни что иное, как противостояние «нового» «старому».

«Интеллигентский дискурс есть функция русской культуры, а сама интеллигенция – голос этого дискурса, и она будет существовать до тех пор, пока такая потребность в самовыражении в русской культуре будет сохраняться и отличаться от интеллектуальной элиты других народов в той же мере, в какой их культуры отличаются от русской». [Успенский, 1977: 173].

Анализ русской интеллигенции, как феномена русской культуры показал, что интеллигенции, в отличие от западной интеллектуальной элиты, нет места в структуре общества, она ускользает от всех социальных классификаций, ее невозможно квалифицировать ни с точки зрения ее профессиональной, ни классовой, ни какой бы то ни было иной социальной принадлежности. Русская интеллигенция и западный интеллектуализм имеют общие корни: они восходят к одному и тому же источнику, и русская интеллигенция возникает в процессе изменения западной культуры. Термин «интеллигенция» появляется в русской литературе с XVIII века.

Таким образом, оппозиционность русской интеллигентности прежде всего проявляется в отношении к политическому режиму, к религиозным и идеологическим установкам, но она может распространяться также на этические нормы и правила поведения. Русская интеллигенция – всегда оппозиционная, это та группа общества, которая в принципе, по самой своей природе, не может быть привлечена к участию в государственной деятельности.

В условиях русской жизни к интеллигенции, с одной стороны, относили тех, кто выделялся своим образованием и имел, так называемые, интеллигентские профессии: учитель, инженер, художник в широком смысле этого слова, политик, студент. Это были лица, занятые умственным или творческим трудом, то есть жившие «интеллигентно». С другой стороны, к ним относились люди с нравственными устоями, которые основывались на совести, для которых на первом месте стоят духовные ценности. Интеллигенты – правдоискатели и правдолюбывы, они постоянно обрушивались не только на все институты российской власти, но и на все существующие нормы и традиции общественного устройства.

Глава II. Образ героя-интеллекта в романе А.Н. Варламова «Лох»

2.1. Ключевые мотивы в структуре образа главного героя Александра Тезкина

Слово «интеллигенция» и его формы встречаются в романе Варламова 9 раз. По причине принципиальной важности приведем все контексты употребления.

Впервые об интеллигенции заходит речь, когда Варламов описывает намечавшие изменения в стране и реальную действительность. Перед нами панорамой встают все противоречия уходящего социализма и так не наступившего коммунизма: «ничего не боявшиеся воры», «уходившие в самоволку солдаты», «Москва поедала дешевый финский сервелат, курила финское «Мальборо», именовала станции метро на английский манер» [Варламов, 2010: 12–13].

Именно в это время главный герой Александр Тезкин и его друг Лева Голдовский начинают свой жизненный путь. После окончания школы они уже столкнулись с первыми трудностями взрослой жизни. И как заметил Варламов «по доброй российской традиции» вели философские разговоры. «Они встречались почти каждый день и говорили о том, о чем только могут говорить двое милых мальчиков из интеллигентных семей эпохи развитого социализма, которым кажется, что это они первые открыли истину, будто окружающий мир жесток и несправедлив, полон фальши и любые слова о доброте и любви служат лишь для прикрытия эгоистичной сущности человека» [Варламов, 2010: 18].

Интеллигенция, как отмечали многие исследователи, такие как Б.А. Успенский, противопоставляли себя власти и вставали на защиту обездоленных и угнетенных. Неофициально власти в постсоветскую эпоху не признавали нацию евреев. Им не давали возможности поступить в высшие учебные заведения, реализовать себя. Поэтому в интеллигентском дискурсе обсуждалась связь интеллигенции с еврейством. Как отмечает Ю.М. Лотман, у русской интеллигенции особое отношение к евреям: «еврейская молодежь сжигала за

собой все мосты и, отказавшись от прошлого и не отягощенная никакими обязательствами, устремлялась в будущее, открывавшееся ей в советских науках и модных общественных учениях» [Лотман, 1997: 138]. Алексей Варламов через сравнительную характеристику двух героев романа Александра Тезкина, не желавшего учиться, и его друга еврея Левы Голдовского, который окончил школу с золотой медалью, тонко показывает, что для интеллигенции характерна нравственная сторона, желание быть полезным: «Однако, несмотря ни на что, он сумел сохранить возвышенный и благородный нрав, пылкое сердце и великодушные интеллигента, находя неизъяснимое удовольствие в нынешней роли наставника и просветителя своего дремучего одноклассника. А Тезкин, впервые в жизни столкнувшись с такой энциклопедической образованностью, почувствовал даже нечто вроде зависти и сожаления об упущенных годах» [Варламов, 2010: 15].

В романе «Лох» Варламов, регулярно позиционирующий себя писателем-реалистом, показал изменения, произошедшие с интеллигенцией в кризисный момент отечественной истории. Интеллигенция разбилась на три составляющие. Одна из них утратила свои прежние значения, такие как жертвенность, служение народу, оппозиция власти и стала устраивать свое благосостояние. Из-за этого отношение народа к интеллигенции неоднозначно: «На этот раз его непосредственное начальство в лице старшины решило, что молодой боец исчерпал отпущенный ему лимит на лечение и теперь нагло косит, как это вообще свойственно всем халявным интеллигентам, а тем более москвичам, от чего не только в госпиталь, но даже близко к санчасти его не подпустили» [Варламов, 2010: 33].

Другая составляющая, не зная как изменить ситуацию, но не в силах оставаться равнодушными к своей стране, обсуждали волнующие их вопросы «А между тем, покуда Александр проходил суровую жизненную школу и предавался своим философским изысканиям, в стольном граде Москве, порою смущавшем его мирные сны, и в самом деле началось брожение, шевеление и с ними один из самых нелепых и бестолковых сюжетов российской истории. Сперва Тезкин

относился к этим слухам весьма недоверчиво, хотя добросовестно информировавший его Иван Сергеевич был ими вдохновлен и, помимо писем, стал присылать сыну вырезки из газет и журналов и пересказы больших статей, охвативших интеллигенцию разговоров, домыслов и предположений, куда идет Россия» [Варламов, 2010: 120].

К третьей составляющей Варламов относит лучшую часть интеллигенции, в которой сохранились нравственные аспекты, внутренняя красота: «Дом, казавшийся ему непоколебимым, откуда столько раз вольно или невольно он уходил в поисках лучшей доли, канул в прошлое, да теперь это был никакой и не дом, а снова коммунальная квартира, с которой начинали некогда молодые, прекрасные и чистые душой родители трех братьев. Только соседями их теперь сделались собственные дети и их злыдни-жены, а младшему и вовсе не нашлось среди них места. Интеллигентнейшие Тезкины-старшие сдались и уступили без боя» [Варламов, 2010: 25–26].

Только истинные интеллигенты остаются патриотами. Видя все пороки своей страны, они ее любят. Потому что только в России они могут себя чувствовать по-настоящему свободными. «Ему [Голдовскому. – Г.Г.] захотелось сказать Тезкину что-то очень теплое, и он стал сбивчиво, как очень давно, говорить, что они, слава Богу, вовремя родились, они, два щенка из трущоб Пролетарского района, битые-перебитые интеллигентские дети, что сейчас, конечно, много всякой пены, грязи, мерзостей, но главное – есть личная свобода, что он счастлив тем, что у него есть семья, есть друг и любимое дело в жизни и что Тезкин научил его самому главному – рассчитывать лишь на себя, не пробиваться наверх, на чужие вершины, а находить собственные» [Варламов, 2010: 169].

К этой части интеллигенции Варламов относит людей, которые привязаны к своей стране, культуре, к лучшим традициям; которые видят реальности окружающей действительности и, не зная как помочь стране, пытаются уединиться, чтобы в умных книгах найти спасительный выход для страны: «Кажется, работал когда-то на Маячном такой же полоумный интеллигент,

только из Питера, то ли поэт, то ли художник, и привез с собой эти книги. Говорил, что будет заниматься самообразованием и думать о том, как спасти Россию, но потом начал пить горькую и через полгода утонул» [Варламов, 2010: 102].

К этой же части интеллигенции принадлежит и Александр Тезкин. Пытаясь найти душевное равновесие, он уезжает из Москвы: «Что же касается обитателей метеостанции, они поначалу отнеслись к Тезкину со смешанным чувством недоверия и любопытства. Им были совершенно непонятны его вздохи и ахи о красотах пейзажа и уж тем более чего ради он сюда приперся, но главное – не было в нем спеси и чувства превосходства, чего более всего не любят простые люди в людях интеллигентных» [Варламов, 2010: 101].

Александр Тезкин не получил высшего образования, но на протяжении всей жизни он интенсивно занимался самообразованием; анализировал политическую обстановку в стране, сожалел, что в самые важные моменты его нет в столице: «Ему вдруг почудилось, что его снова загоняют в стойло. Только теперь это стойло было разукрашено дорогими интеллигентским сердцам лозунгами о свободе и народовластии, но все делалось с не меньшей одержимостью, попробуй он только не в те ряды влиться, подписаться не на тот журнал и не восхититься в обязательном порядке двадцать лет пролежавшей в благополучном писательском столе бездарной книгой» [Варламов, 2010: 122].

«В Москву Тезкин вернулся в те дни, когда хлеще, чем чемпионат мира по футболу или фильм “Семнадцать мгновений весны”, публика смотрела первый съезд народных депутатов. Там, восхищая доверчивую интеллигенцию, потрясали словесами будущие хозяева городов, ни о чем не подозревающий будущий узник “Матросской тишины” делал вид, что пытается навести порядок, а шумные народные толпы прямо по Ильичу волновались и кипели страстями под обрывом железной дороги в Лужниках, и сознание их росло и крепло не по дням, а по часам. Но Тезкин оказался вовлеченным совсем в иные и куда более крутые страсти» [Варламов, 2010: 124].

«В кинотеатрах шли милые французские и итальянские фильмы, кружилась, как бабочка, интеллигенция вокруг стихов полуопальных поэтов, тусовалась в очередях на Таганку или на Малую Грузинскую, с умным видом отыскивая подтексты в тамошних шедеврах, а после болтала и болтала на своих прокуренных кухоньках, тихонько проклиная воздух несвободы и рабство народа и томно вздыхая о какой-то иной, невнятной, но сладкой жизни» [Варламов, 2010: 62].

Роман «Лох» впервые был опубликован в 1995 году в «толстом» журнале «Октябрь». Он представляет первое объемное произведение писателя. Многие критики и исследователи такие как М. Н. Липовецкий, Н. Л. Лейдерман, Г. А. Нефагина, В. А. Курбатова расходились во мнениях об определении творческого метода А. Н. Варламова, но все отмечали, что в произведении А. Н. Варламов показывал проблему судьбы в ее историческом развитии с учетом особенностей российского менталитета.

В сюжете романа «Лох» писатель делает акцент на том, что Россия в начале девяностых годов – это страна, где люди не живут, а с трудом выживают. Перед нами предстает картина страны с разваливающейся экономикой. Это время, когда про нравственность люди стали забывать. И как пишет Варламов «когда «звездочеты» превращаются в брокеров, где грязь, как на улицах, так и в душах людей, где милиция не может защитить даже ребенка». И именно в это время интеллигентный человек, который мыслит и думает, и философ, стремящийся постичь смысл жизни, не хотят становиться торгашами и воспринимаются здесь как «лохи». Как отмечает Т.А. Федорова, «из всего этого следует, что в такой стране просто нельзя жить достойно, если смотреть на вещи с точки зрения возможностей реализации личности» [Федорова, 2008: 66].

Этот роман о быстротечности и неуловимости жизни, о любви и смерти. Еще в детском возрасте герой романа Александр Тезкин, ощущает их неразрывную связь. Первая влюбленность Тезкина заканчивается смертью воспитательницы, так как она – Лариса Михайловна – болела туберкулезом, и болезнь передалась Тезкину: «Точно он чувствовал, что скоро откроется

страшная вещь: воспитательница больна туберкулезом, и ее немедленно уволят, всех детей станут обследовать, делать прививки» [Варламов, 2010: 7]. Впоследствии эта болезнь сыграла в его жизни роковую роль.

Невозможность обретения счастья, трагические истории любви Тезкина задают тон в его жизни. Все последующие влюбленности героя заканчиваются потерей, невозможной утратой – горьким пониманием своей обреченности. Обреченность, присуща всем его отношениям. По мнению Федоровой, «главный герой каждый раз ощущает это чувство и даже пытается его сформулировать его с помощью образа мойр, прядущих нить человеческой жизни или сказочного клубка, который катится перед героем, направляя его». «Ты веришь в судьбу? А я верю. Верю в то, что живут где-нибудь на небе, а может быть и на земле три старухи мойры: дающая жребий, прядущая и неотвратимая. И никуда от этих старух не уйти, и жаловаться и пытаться что-то изменить – все напрасно. А единственное, что остается, когда помыкаешься, подергаешься из стороны в сторону, шишек разных набьешь» [Варламов, 2010: 131–132].

Это не значит, что герой ничего не делает, чтобы удержать свое счастье. Наоборот, складывается впечатление, что всю жизнь Александр бьется, пытается переломить ход событий. Но каждый раз все оборачивается против него, и поступок, который должен был изменить ситуацию к лучшему, совершается слишком поздно и потому не способен ничего исправить или, сталкиваясь с трудными обстоятельствами, не приносит пользы, а остается бесплодным, а иногда даже ломает все окончательно. Так, Тезкин уговаривает свою первую любовь художницу Людмилу выйти за него замуж и сообщает о своем решении родителям, думая упрочить этим дорогие для него отношения, но когда он на другой день прибегает к возлюбленной, то находит ее дом пустым. Она уехала, то ли испугавшись серьезности его намерений, то ли под влиянием возможного разговора с разгневанной матерью Тезкина. В результате его поступок получается, не скрепил, а разорвал их связь.

Когда другая возлюбленная женщина Тезкина, Маша-Машина сообщает ему, что ждет ребенка, он делает все, чтобы сохранить малыша, в котором для

него неожиданно сосредотачивается самое важное, что таит в себе смысл жизни: «весь мир переменялся, стали мелочными и незначущими вещи, еще вчера занимавшие его ум. Он вдруг ощутил, что отныне жизнь обретет тот смысл, которого в этой жизни не доставало прежде. Исполнится его предназначение и оправдается так мучившее его извлечение из тьмы. Ему захотелось помолиться Богу в теплой и бессознательной благодарности за то, что мир так устроен и женщина может родить ребенка, а мужчина стать отцом. Тогда схлынут вся тоска и разочарование и истинной жизнью окажется возникшее из небытия существо. Все то, что чувствовал Тезкин, что бродило и не находило выхода в нем самом, осуществится в этом человеке, уже живущему таинственной жизнью во чреве своей легкомысленной матери» [Варламов, 2010: 74].

Герой продолжает надеяться, что сможет создать семью, поэтому все силы своей любви и нерастраченной нежности он вкладывает в ремонт квартиры, снятой для будущей семьи: «Весь март Саня белил потолки и клеил обои, представляя, как станут они здесь жить и каждый день ходить в Филевский парк. Он купался в этих мыслях украшая жилище с жадной и придирчивой любовью. А далее – обрыв и недостижимость Александром семейного счастья: «Но человек предполагает, а располагает, видимо, попеременно то Бог, то дьявол» [Варламов 2010: 75]. Маша призналась матери, и та уговорила ее сделать аборт. Тезкин, предчувствуя, что их будущему угрожает опасность, весь день ищет Машу, наконец, пытается проникнуть к ней домой, родители вызывают милицию, которая забирает его за хулиганство, а в это время «в светлой клинике на Воробьевых горах свершилась одна из тех операций, что так часто свершаются ныне на святой Руси» [Варламов, 2010: 76]. Ребенка убили, у Тезкина не получилось его спасти.

Неумолимый рок над надеждами и порывами главного героя не прекращается на протяжении всего жизненного пути Тезкина. Так, не осуществилась долгожданная встреча с любимой Катей-Козеттой. Их выследил близкий друг Тезкина Лева Голдовский, влюбленный в Катю, который угрожал покончить с собой, если он сейчас же не выйдет к нему. Романтическое свидание

закончилось, а другого уже не может быть, так как через несколько дней Александр уходит в армию.

Возлюбленная Катя, чувствуя беду, едет к Тезкину в армию, но в тот момент он был сосредоточен на мыслях о своей болезни, о скорой смерти от туберкулеза, поэтому встречает ее холодно и равнодушно. А потом он вдруг осознает, что любит ее, бросается к выходу из казармы, чтобы догнать, сказать те самые, заветные слова, которые она так ждала от него, но вместо этого за нарушение режима его наказывают. Объяснение между Тезкиным и Катей так и не состоялось. Когда Тезкин вернулся из армии, Катя уже была замужем.

Каждый раз, когда Тезкин пытался построить счастье, что-то мешало, отталкивало главного героя от достижения поставленной цели. Так, другая любимая женщина Александра, Люба, уезжает с метеостанции, где работает Тезкин, потому что этого захотел сам Александр. И только катер отплыл, он понял, что она нужна ему и, что он опять опоздал что-то поменять и удержать самое главное.

Финал романа становится самой яркой иллюстрацией упущенной судьбы: преодолевая множество препятствий Александр, наконец, находит Катю в немецкой психиатрической клинике и увозит ее с собой в Россию. Их семейная жизнь только-только начала налаживаться, но в это время болезнь развивается, и в итоге Александр Тезкин умирает.

Герой приходит к пониманию, что выбор каждого человека в определенной степени решает его дальнейшую судьбу, так, художница Людмила, хоть и под влиянием каких-то обстоятельств, но сама принимает решение об отъезде и разрыве со своим юным поклонником. Спустя годы Тезкин понимает, что аборт, который сделала Маша – это не роковое стечение обстоятельств, а человеческий выбор: «у них мог бы быть ребенок, которому было бы сейчас шесть лет. И какая разница, что происходит в этом безумном мире. Он бы взял ребенка и уехал далеко-далеко, туда, куда не добрались эти сволочи, старые или новые, он нашел бы это место на космических снимках и растил бы там свое дитя, не держал бы в доме ни одной газеты и ни одной современной книги, он был бы

счастлив, и у него достало бы сил вынести и вытерпеть все, но ребенка у него не было. Шесть лет назад эта мягкая и красивая женщина убила его. Не Бог или дьявол вмешались, а сама Маша приняла это страшное решение» [Варламов, 2010: 142].

Главный герой романа «Лох» Александр Тезкин патриот своей страны. Как отмечает Т. А. Федорова, «Александр очень привязан к родной земле, языку, культуре и лучшим традициям своего народа. Он ни за что не хочет уезжать из страны, предавать её, хотя и видит жестокость окружающей действительности XX века, поэтому лучшим выбором для себя он считает переезд в деревню» [Федорова, 2011: 26].

Определяющими для образа Тезкина являются его слова о том, что его не надо было спасать в ту зимнюю ночь, когда он служил в армии. В пошатнувшемся мире, как показывает нам Варламов, нет места для таких идеалистов, как Александр Тезкин.

По мнению Н. Л. Федченко, «герой находится в мире и одновременно вне его. Давая своему герою определение «лох» Варламов указывает нам временные акценты. В советское время герой бежит от беспросветной жизни в глухом районе на окраине Москвы, а время постсоветское само изгоняет его. «Учись, лох!» – эта фраза обращена не только к обманутому мальчику на вокзале, но и к Тезкину. Только герой не всегда и очень непоследовательно пытается разорвать его пути отшельника» [Федченко, 2013: 20].

Так же Н. Л. Федченко пишет о дружбе Тезкина и Голдовского «Варламов проводит линию двойничества Александра и его друга еврея Левы Голдовского, отсюда – утверждение неразделимости судеб двух народов» [Федченко, 2013: 22]. «Очень скоро дружба двух юношей сделалась такой прекрасной и великой, что они стали назваться братьями, скрепив этот обряд одновременным надрезом вен и приятием крови друг друга. Операция прошла, впрочем не совсем удачно. Плохо переносивший вид крови Лева позеленел и едва не грохнулся в обморок» [Варламов, 2010: 16].

Сближают юношей, с одной стороны, социальная неприкаянность Тёзкина «куда себя деть, он не знал», с другой, стороны, «полуеврейское происхождение» Голдовского. Лева, без сомнения, как следует из авторской характеристики трудолюбивее и талантливее с трудом окончившим школу Тезкина. Только общество не принимает еврейского юношу с недюжинными способностями и «без вины виноватый» становится таким же общественным изгоем, как и Тезкин» [Федченко, 2013: 22].

Исследователь Н. Л. Федченко пишет: «на протяжении всего романа судьбы героев будут пересекаться. Благодаря нечаянному, но вполне закономерному «вмешательству» Левы, так и не состоится счастье Тезкина и Кати, после чего герой будет метаться по жизни в поисках других «влюбленностей». И именно поэтому Лева, ставший благородным бизнесменом, позже, уже разорившимся, даст Тезкину деньги на поиски Козетты, а потом вместе с Катериной и родными будет провожать к последнему пристанищу в деревне Хорошей Александра Тезкина, который не дожил до тридцати лет. И Леве, «настоящему русскому предпринимателю», а не Александру привидится в странном сне рушащийся мир, в котором будут светиться огоньки уцелевшей деревни Хорошей» [Федченко, 2013: 23].

Важное место в сюжете романа, занимает образ Льва Голдовского. Он как и Тезкин метается в поисках смысла жизни. Он на себе ощутил все несправедливости той эпохи. Окончив школу с золотой медалью, из-за еврейского происхождения не смог поступить в университет и не включали в партию. Своего будущего на Родине он не видел, так как считал, что здесь он обречен на оскорбление и унижение: «Всюду одна только гадость, ложь и фарисейство» [Варламов, 2010: 115].

Он уезжает в Америку, чтобы почувствовать себя свободным, многого добиться, а кроме того, он хочет вырастить там детей, чтобы они жили «почеловечески». Но, что важно, так это то, что Голдовский намерен воспитать из них «настоящих русских и тем самым хоть чуть-чуть отблагодарить Америку за гостеприимство путем улучшения ее породы» [Варламов, 2010: 153]. Он терпит

много лишений, добивается своей цели, но понимает, что все было зря, что ему не нужна «скучная страна, где люди заняты лишь собою». Душа его стремилась в «городок с дьявольским названием Электроугли» [Варламов, 2010: 152–153].

В результате Голдовский бросает все, чего успел добиться за границей и возвращается на Родину. О своем будущем в России он думает с печалью, но не жалеет о своем бегстве из блестящего, спокойного и стабильного заграничного мира: «Голдовский любил Россию. Он проклинал ее нищету, разбитые дороги, пьяные рожи опустившихся мужиков, но представить себя вне ее не мог» [Варламов, 2010: 157].

В душе еврея Левы Голдовского было такое чувство, которое можно объяснить строками стихотворения А. Блока: «Да, и такой, моя Россия, / Ты краев дороже мне». Это и заставляет его вернуться в родную страну и именно здесь устраивать семейную жизнь и растить детей. Жена Голдовского, увидев стабильность и благополучие Германии, хочет уехать из России, объясняя это перспективами для их будущего. Но Голдовский ее не поддерживает, хотя и понимает ее, так как он уже прошел этот путь. И когда Аня кричала о своей ненависти к России, то «он глядел на все мудрыми еврейскими глазами и думал, что не испытывает к своей земле ни капли ненависти и обиды. Скорее его чувство было чувством сына по отношению к обанкротившемуся и спившемуся отцу – хочешь не хочешь, а если ты порядочный человек и уважаешь себя, то надо принимать наследство, из одних долгов состоящее, и эти долги платить» [Варламов, 2010: 158]. В размышлениях Голдовского угадывается некая предначертанность. Но когда он решил покинуть Америку, то руководствовался не моральным долгом, а душевной потребностью.

Тезкин, как и его друг Лева, не видит и не верит в счастливое будущее России. Провожая Голдовского в Америку, он с тоской смотрит на своих соседей-пьяниц и гуляя по Москве он чувствует себя так, «будто его загоняют в стойло. Только теперь это стойло было разукрашено дорогими интеллигентским сердцам лозунгами о свободе и народовластии» [Варламов, 2010: 122].

И когда Тезкин решил ехать за границу, то это решение было основано любовными переживаниями. Как Голдовский познал все стороны американской жизни, так и Тезкин увидел «другую Германию <...> насмешки и презрение работодателей, унижение и вражду, столь знакомые ему в родном Отечестве. Воистину, мир был слишком одинаков» [Варламов, 2010: 196].

Александр Тезкин чувствует кровную связь с людьми, с природой, с историей своей страны: «Тёзкин подумал, что его отец, эта девушка (случайная попутчица — Г. Г.), старухи в церкви, священник – эти люди образуют единое целое, они связаны между собою, и больше всего на свете он боялся бы выпасть и эту связь с ними разорвать» [Варламов, 2010: 134]. Когда священник сказал Тёзкину, что настают последние времена и теперь важно попасть в круг «чистых», души которых спасутся, то Александр думает, «что не хочет, не дает себе права идти в эту ограду, если за ней останется столько людей, что он предпочитает остаться с ними» [Варламов, 2010: 138].

«Мироощущение Тезкина и Голдовского иррационально, оно из ряда тех чувств, которые «умом не понять» и «аршином общим не измерить». Может в этом и состоит «загадка русской души», ее притягательная сила, из-за которой способен любить даже немец» – пишет Н. Л. Федченко [Федченко, 2013: 27].

Тезкин предстает перед читателем не жертвой обстоятельств или выбора других людей. Не «лохом», которого жестокая судьба бросает из стороны в сторону. Он не романтический герой, находящийся в поисках идеала. Жизнь Александра состоит из трагических обстоятельств, которые были результатом его выбора, его ошибок, которые он совершал в своих жизненных ситуациях. Чтобы разобраться в причинно – следственной связи повторяющихся ошибок, необходимо сначала разобраться в важном моменте романа, в том, как понимается в нем вера в Бога, как осуществляются поиски истины главным героем.

2.2. Духовный и интеллектуальный поиск Тёзкина

В романе «Лох» А. Н. Варламов показал два характерных образа, представляющих собой в глазах светского общества, официальную церковь – фанатики и прагматичные дельцы. Как и полагается в сложившейся антицерковной традиции, по своим человеческим качествам оба представителя православия оказываются намного хуже людей неверующих, что бросает тень на понятие церкви как таковой. В роли воинствующего фанатика в романе Варламова выступает жена Тезкина брата Евгения: «жена другого брата была, напротив, неофиткой православной веры и со всю страстью своего демонстрировала полное презрение к нехристям в лице прочих обитателей Тюфелевской рощи. Отличавшиеся истинно христианской кротостью родители ее пренебрежение худо-бедно терпели» [Варламов, 2010: 126].

В роли «прагматичного дельца» выступает сам Евгений «благодаря настойчивости своей жены полностью порвавший с бесперспективностью карьеры» и ставший священником. Он не приобрел веру в Бога, ему было так удобно, и священником он становится для своего благосостояния. Поэтому когда Лева обратился к нему со своими страхами, то получил ответ: «На все воля Божья, а истинному христианину должно не скорбеть, но радоваться и всегда быть готовым к Страшному суду. Ты же, Лева, коли смущена чем-то твоя душа, помог бы мне лучше с ремонтом» [Варламов, 2010: 174].

Такой псевдове́ре противостоит в романе вера горячая, искренняя, которая способна горы сдвинуть. Однако эта вера неведомых праведников, чьими искренними мольбами неизбежный конец света был в очередной раз отодвинут.

Воспринимая тенденции развития современной прозы, А. Варламов продолжает нравственно-психологическое исследование человека, совмещая в социально-исторический контекст с контекстом религиозным. Мифопоэтический план произведения связан с героем потерянным, выпавшим из своего времени. Внутренний мир Александра Тезкина раскрывается не посредством чисто психологического анализа, отражающего процесс формирования личности, а по принципу выявления знаков духовного становления в наиболее ответственные периоды его жизни.

Александр поверил в Бога легко и неожиданно, в тот момент, когда в армии у него обострилась болезнь. К нему пришла уверенность в существовании жизни после смерти. Тезкин верил в то, что спасение всех людей не зависит от того образа жизни, который они вели на земле. Единственно, что, по мнению Александра, необходимо для того, чтобы спастись, так это прожить столько, сколько тебе отмерено: «земной, физический мир он уподоблял кем-то хорошо и строго охраняемой зоне, а мир небесный – свободе, куда рвется человеческая душа. Но убежать туда самой ей нельзя, в этом случае ее поймают и вернут на еще худшие мучения – отбыть здесь весь срок, каким бы долгим и тяжким он ни был. Он жил теперь мысленно в том мире, силясь вообразить его во всех подробностях и пытаясь представить, что ждет его душу. И жутко хотелось оказаться как можно скорее там» [Варламов, 2010: 36]. Именно здесь показана основная религиозная тематика всего романа – это онтологический конфликт борьбы личности с судьбой и Божьим Промыслом.

Мысль о независимости посмертной участи от земной жизни еще раз прозвучит, когда Александр будет хоронить отца: «и подумалось ему тогда, что где-то там, за гранью видимого мира его отца, некрещеного, убежденного атеиста, встретит светлый ангел и как не познанную на земле радость покажет небесный свет и проведет в горний мир. В это верил Александр со всею страстью своей души, и если бы кто-нибудь стал его разубеждать, говоря, что ни ангелы небесные, ни святые, ни сам Господь не в силах помочь тем, кто не обращался к ним при жизни, то назвал бы он его величайшим лжецом. Он силился порою вообразить, что почувствует отцовская душа, когда тот мир увидит, станет ли ей радостно или горько. Но что все будет именно так, а не иначе, Тезкин был убежден, как и убежден был в том, что отец его был ближе к небесному царству, чем воротившая от всех нос неофитка-сноха» [Варламов, 2010: 148].

Сам Тезкин в Бога верит, ощущая живую личную связь с ним. Но именно в такого Бога, который, как верится герою, смотрит на жизнь шире, чем это предписывают церковные нормы. В этой «свободной вере», не требующей от тебя чистоты жизни, не предъявляющей никаких непреложных нравственных

заповедей, Александр просит «своего Бога» в пасхальной молитве о соединении с любимой: «Господи, – прошептал он, – если ты смиловался Ты над всеми нами, если простил наши грехи и подарил Свою великую радость, подари мне мою – верни мне ее, умоляю Тебя, верни» [Варламов, 2010: 179].

Как считает Власова, знаки судьбы в романе связаны с прозрением героя, которое приводит Тезкина к духовному перерождению. «Смерть становится итогом нравственных исканий Александра Тезкина, который наперекор судьбе последовательно пронес через всю жизнь одну и ту же идею – идею о самоусовершенствовании и пришел к вере. В религиозный праздник, Пасху, Тезкин окончательно приобрел веру, заканчиваются его духовные поиски истины. Результатом того, что Господь принимает «блудного сына» Александра, становится воссоединение влюбленных – Катерины и главного героя» [Власова, 2015:129].

Глубоко трагичен финал романа. Даруя герою мирное человеческое счастье на некоторое мгновение, автор наказывает его смертью «Тезкин умер, не дожив трех месяцев до своего тридцатилетия» [Варламов, 2010: 212].

Произведение А. Н. Варламова о сложном пути человека к Богу. Главный мотив произведения — это мотив судьбы, связанный с обретением истинной Веры. Тезкин осознанно, исходя из своих внутренних побуждений, искренне веря сердцем и душой готов духовно прийти к Богу, как «блудный сын». Автор показывает русский характер с его постоянной тягой к религиозности. По А. Н. Варламову, русский человек всегда занят поиском путей к праведной жизни. И пусть Тезкин продолжает галерею «лишних людей», выясняется, что именно такие герои как раз более необходимы для жизни, именно такие долго ищут смысл жизни и находят его в религии, нравственно возвышаясь над всеми остальными. Их переоценка ценностей становится мучительным процессом, и тогда возникает в прозе писателя мотив судьбы.

Автору близка блуждающая в сомнениях человеческая душа, тщетно ищущая спасения в одиночестве, в разрыве с любимой женщиной, в скитаниях по стране. Большую часть произведения составляют размышления героя о

прожитом, о близких людях и событиях, с ними связанных, о судьбе человека и его предназначении. Раскрываемое в сюжете романа художественное противоречие носит онтологический характер. Воспоминания и размышления автора являются средством постижения глубинных оснований человеческой жизни; за ними отчетливо проступает стремление понять меру истинной ценности бытия, осмыслить противоречие между ограниченностью человеческого существования и безграничностью времени. Понимание самоценности жизни, красоты природного мира, мудрое принятие закономерного исхода – это центральные идеи романа.

Герой романа А. Н. Варламова «Лох», преодолевая разнообразные испытания, приходит к вере, но не к официально–православной традиции, а к некоей глубинной, не институционализированной вере, которая локализуется в его в душе.

Тезкина спасает от неминуемой смерти Катерина, причем делает она это ценой собственной чести. Его жизнь, которая должна была прерваться в девятнадцать лет продолжается. Кульминационными предсмертными словами станут его слова о том, что «Бог рассудил ему умереть в девятнадцать лет, и никто не имел права вмешиваться в этот замысел» [Варламов, 2010: 211]. Судьба начинает с Александром свою игру после его выздоровления, так, согласно религиозной традиции, появляется уже мечущийся герой, который должен пройти через страдания и лишения, чтобы потом даровалось ему недолгое мирное человеческое счастье.

В борьбе с судьбой скиталец Тезкин начинает трудный путь к Богу. Вернувшись в Москву он продолжает жить уединенной и независимой жизнью. Он проходит через многие испытания: тайный гражданский брак и не сбывшуюся надежду стать отцом, встречу с настоящей единственной любовью – Катериной, вышедшей замуж за другого, неудачную попытку обучения в университете, и еще большее отчуждение с семьей и переезд на дачу в Купавну. Изображая отшельничество Тезкина в Купавне, работу на севере на метеостанции, А. Варламов говорит о тоске и одиночестве героя. Изгнанный из привычного круга

существования, Александр отправляется в путь по России и находит свое место в деревне. Его мытарство означает возможность обретения истины, в которой главный герой испытывает телесную и духовную нужду. Но духовные поиски героя более отстраненные, их невозможно объяснить только обусловленностью текущим моментом.

Автор считает концом духовных исканий Тезкина его обращение к Богу. В религиозный праздник Пасхи Тезкин окончательно обретает веру, заканчиваются его духовные поиски истины и смысла. Он в молитве обращается к Богу: «Господи, – прошептал он, – если смиловался Ты над всеми нами, если простил нам наши грехи и подарил Свою великую радость, подари мне мою – верни мне ее, умоляю Тебя, верни» [Варламов, 2010: 179]. Результатом того, что Бог принимает блудного сына Александра становится воссоединение влюбленных – Катерины и главного героя.

Варламов создал произведение о нелегком пути человека к истинной вере. Важный мотив романа, определяющий его религиозно-нравственную концепцию, – мотив обретения истинной веры, когда Александр Тезкин осознанно, исходя из своих внутренних побуждений, готов прийти к Богу. Автор изображает русский характер, отмеченный постоянной тягой к религиозности. По А. Н. Варламову, русский человек всегда занят поиском путей к праведной жизни. И пусть Тезкин продолжает галерею «лишних людей» (недаром в заглавие романа выносятся оскорбительное прозвище «лох», маркирующее эту «лишность», нереализованность Тезкина), оказывается, что такие герои в менее очевидном смысле необходимы для жизни.

2.3 Образ героя-интеллигента в постсоветскую эпоху (на материале романа А. Варламова «Лох»): литературоведческий и методический аспекты

Главной темой художественных исканий А. Н. Варламова в романе «Лох» является показ духовного роста героя Александра Тезкина и путь его нравственного прозрения. Большую часть произведения составляют

размышления героя о прожитом, о близких людях и событиях, с ними связанных, о судьбе человека и его предназначении. А. Н. Варламов считает, что жизнь человека наполняется смыслом в той мере, в какой он подчиняет ее исполнению воли Бога. Наблюдения над своим жизненным опытом привели писателя к выводу о том, что вопрос о смысле жизни есть вопрос веры. Если человек верит в Бога, он не имеет права бороться с судьбой. Главный герой романа интересен тем, что, несмотря на все неудачи, повторяющиеся ошибки, он обладает незаурядной духовной силой [Евдокимова, 2015: 73].

В начале романа любовница юного Тезкина не верит в искренность его чувств и заключает: «— Откуда ты взялся-то только на мою голову? Ну, ей-богу, блаженненький какой-то! Глаза как у младенца, чистые. Как ты жить будешь с такими глазами? Потом она сердилась, потом просто молчала, и, приняв, возможно не без оснований, ее молчание за согласие, переполненный ликованием Тезкин известил родителей о своем намерении тотчас же по выходе из школы, а может быть, даже и раньше, жениться» [Варламов, 2010: 11].

Такая характеристика главного героя как «блаженного» отражена на всем жизненном пути Тезкина. Одиночество, отчужденность, удаленность героя от мира людей преследовали до конца его дней, но в нем до последнего вздоха сохранялась внутренняя сила – это нравственная позиция героя, не понимающего и не применяющего нравы окружающего мира. Александр Тезкин становится личностью блуждающей в сомнениях по стране, в духовном поиске. Мятущийся, нравственной чистый, но оторванный от земли герой занимается астрономией и часто разглядывает небо в телескоп. Такое занятие героя прочитывается как стремление приблизиться в своем нравственном восхождении к Богу. Как считает исследователь Т. А. Федорова, «герой задумывается о смысле своего бытия, именно это побуждает его искать путь к вере. Автор акцентирует внимание на тоске героя как неотъемлемой спутнице в его физических и духовных скитаниях» [Федорова, 2009: 226].

По мнению О. С. Сухих, суть концепции личности в романе А. Н. Варламова «Лох» составляет идея самоценности личности, существующей автономно от

общества и ничем не обязанной народу, нации, обществу, государству. Личность сама есть абсолютная ценность. «Герой романа «Лох» Александр Тезкин существует в двух мирах: один – современный его физическому бытию, другой показывает его духовные поиски. Так создаются два плана повествования – «внешнее» и «внутреннее» пространство. Первый план включает в себя пространство «внешнего», материального мира, реальной исторической действительности, социальных событий, второй отражает «внутреннее», духовное пространство Тезкина, жизнь души, духа, высших устремлений, «внутреннюю» сторону характера» [Сухих, 2005: 32].

Национальное решение образа Тезкина более чем неоднозначно. «Его этимология легко прочитывается: Тезкин-младший – третий брат в семье, тот самый, который «был дурак», потому что не смог «устроиться» в жизни, обрести социальный статус» [Федорова, 2011: 27].

Тезкин не стремится стать гордостью школы, поступить в институт, сделать карьеру. Определяющими для образа Тезкина являются собственные Санины слова о том, что его не следовало бы спасать страшной армейской зимой. В пошатнувшемся мире, показывает автор, и нет места для таких идеалистов. Убежденность в том, что жизнь подчинена судьбе, Тезкин знал, что умрет весною.

Совсем не глупый, просто не такой, как все, он с самого детства значительно отличался и от своих старших братьев: «Он не унаследовал ни ума, ни житейской ловкости старших братьев, рос в их тени, донашивал за ними одежду <...> Мальчик был задумчив и тих, не любил шумных игр и ярких игрушек и с младенчества отличался двумя странно связанными между собою особенностями: таинственным предощущением смерти и необыкновенной влюбчивостью во всё женское» [Варламов, 2010: 6].

С самого детства ему «учитель математики Серафима Хренова со школьной скамьи пророчила ему «нелепую и бестолковую будущность».[Варламов, 2010: 9]. «И действительно, похоже, ничего путного выйти из Тёзкина не могло. Природа, верно, истратила весь свой запас на его братьев, а он ничем особо не

интересовался, ни в какие кружки и секции, любимые детворою и подростками, не ходил. Единственным, что занимало его праздный ум, была висевшая на стене огромная карта звёздного неба, которую он облазил вдоль и поперёк, выучив сотни никому не нужных названий» [Варламов, 2003: 3].

При этом друг, Лева Голдовский, считает, что Тезкин «всю жизнь только и делал, что его дурил» [Варламов, 2010: 181]. И сам Тезкин-младший говорит: «Было у отца три сына, двое умных, а третий дурак. Судьба у меня такая» [Варламов, 2010: 131]. А. Н. Варламов наделяет своего героя чуткой, трепетной, отзывчивой душой. «Братья взирали на меньшого с нелицемерным сочувствием, узнав, что его забирают в армию. Но только теперь они с очевидностью представили, что их Иванушки-дурачка, которому самому ещё впору играть в солдатики, с ними два года не будет» [Варламов, 2010: 27]. Перед разлукой с близкими герой, как фольклорный персонаж, спрашивает благословения у родителей. И родители «не сговариваясь и не признаваясь в том друг другу, любили младшего больше старших» [Варламов, 2010: 87], и относились к Тезкину как к человеку особого типа «дурачка жалели и признавали, что, несмотря на дурь, была в нём какая-то прелесть и без таких людей жизнь была бы слишком пресна» [Варламов, 2010: 151].

Исследователь Т. О. Личманова обращает внимание на созерцательность, которой обладал главный герой, это проявление его особого, блаженного взгляда на мир: «Единственный из класса он не стал поступать в институт» [Варламов, 2010:13]. Потому что не видел в этом смысла. «Куда себя деть, он не знал и устроился на почту носить пенсию старухам» [Варламов, 2010: 14]. Он готов служить народу, если от этого есть какая-нибудь польза: «Душа Тёзкина после потрясения погрузилась в оцепенение, а потом навалилась безразличная сытая сонливость». Саня Тёзкин мечтает о семье и детях, но желания героя не осуществимы [Личманова, 2014: 260].

Деревня Хорошая стала райским местом для Тёзкина: «Жизнь была спокойной и безыскусной, ничто не тревожило и не смущало его снов» [Варламов, 2010: 166]. В Купавне было всегда хорошо, потому что это родина

родителей, которые всегда отличались, по мнению Тёзкина, истинной христианской кротостью. «С тех пор семья проводила всё лето в благословенной Купавне, возделывая небольшой огород и сад, помогавшие своими плодами скрасить уныние московской зимы» [Варламов, 2010: 6]. Кроме того, Тёзкину, как и Обломову, во сне приходили видения с какой-то Богом забытой деревушкой, похожей на его Купавну. Для Тезкина не важно, что происходило вокруг, какая политическая сила была у власти, Купавна для него оставалась всегда непоколебимой. Именно это место будет отгораживать его от жестокого мира: «В Купавне темнело в пятом часу, на крышах, дорогах, заборах лежал мокрый снег, и казалось, что ничего, кроме этого снега, воя ветра в печной трубе, сырости и промозглости, в мире нет» [Варламов, 2010: 139].

Дружба Голдовского и Тезкина основывается на истинных ценностях. Но главное отличие Голдовского состоит в том, что он более предприимчивый, преодолевающий все жизненные проблемы, не желающий быть «лохом». Несмотря на это он всегда будет тянуться к Тёзкину, потому что чувствует, что другу его открыта истина, которую сам не способен постичь. Тёзкин всегда ощущал связь с другими людьми, считая, что все они образуют одно целое, что «они связаны между собою, и больше всего на свете он боялся бы выпасть и эту связь с ними разорвать» [Варламов, 2010: 134]. Тезкин превыше всего ценил в человеке душу, говоря: «Не продавайте душу дьяволу – он купленного не возвращает» [Варламов, 2010: 96].

Своими размышлениями о смысле жизни он не может ни с кем поделиться, потому что окружающим это чуждо. Тёзкин не сразу поверил в высокую любовь Кати, которая была готова на самопожертвование. Потеряв её, он стал раздражительным и грубым, пытался построить свою личную жизнь с другими женщинами, но он всегда скучал по родственной душе.

Герой А. Н. Варламова одинок на протяжении всего романа: «Он потерял друзей, дом – всё, что было или что посылала ему судьба, предоставляя раз за разом новые займы, покуда не убедилась окончательно в его полном банкротстве» [Варламов, 2010: 143].

Смысл своего существования Тёзкин определяет следующим образом: «Он случайно родился, случайно прожил свою жизнь, не сделав в ней ничего хорошего и ничего плохого. Он не умер там и тогда, когда должен был умереть, его зачем-то спасли, даже не спросив, желает он этого или нет, и вся его последующая жизнь была лишь горькой насмешкой. Он подумал, что ему выпало быть, вероятно, всего лишь наблюдателем и летописцем этого времени, пропуская его через свою душу и оставляя следы на никому не нужных листках бумаги» [Варламов, 2010: 144].

Герой становится чужим в той социальной среде, в которую попадает, и вынужден покидать её, оставлять прошлое, все время искать чего-то нового: «Он слыл среди своих друзей отчаянным повесой и волокитой, и мало кто догадывался, что на самом деле Саня мечтал о женитьбе, мечтал с тайным замираньем сердца, с каким иная барышня в крещенский вечерок силится разглядеть в расплывчатых очертаниях воскового пятна облик будущего избранника. И сам столько раз брошенный, битый-перебитый Александр с ужасом подумал, что оставлять человека в сто крат труднее, чем быть оставляемым. Но оставляя, он начинал пребывать в тоске и изводить себя, теряя «Небо», считает Э. Ф. Нагуманова, что у русского человека редкостное равнодушие и к собственной жизни, и к собственной смерти» [Нагуманова, 2016: 257].

Мотив скитальчества выражает нравственную позицию героя, характеризует Т. А. Федорова «как физическое, так и духовное скитальчество»: «Тёзкин неожиданно сказал родителям, что не желает быть никому обузой, а потому отправляется искать лучшей доли и когда вернётся, да и вернётся ли вообще, не знает сам. Его пробовали было отговорить, твердили, что в таком состоянии это просто самоубийственно, но всё было напрасно – сын уехал» [Варламов, 2010, 52].

В каждой из частей романа Тёзкин показан в совершенно разной среде, в разном окружении. Сюжет романа строится так, что герой оказывается причастным ко всем изображаемым жизненным сферам, но в то же время

оказывается в положении одинокого скитальца [Федорова, 2009: 262]. Перемещения во времени и пространстве Тезкина можно сопоставить с духовным поиском, в котором мотив скитальчества героя обретает религиозно-философский смысл, когда Тёзкин в пути размышляет о нравственности и истинной духовности, заключающихся в принятии веры в Бога.

По мнению О. С. Сухих, Тезкин – это «маленький человек», который не в состоянии изменить мир вокруг, но он поднимается над самим собой и видит себя со стороны: «Да, я совок! – заорал пьяный Тёзкин. – Да, я с теми, кто никогда и ни при какой власти преуспевать не будет, кто был и будет в глазах любого начальства, кем бы оно себя ни именовало, плебсом. Я с теми, кто не успевает так быстро привыкать и отвыкать, кто растерян, сбит с толку, но чует нутром, что его хотят в очередной раз облапошить» [Варламов, 2010: 140 - 141]. С таким миром ему не по пути. Тёзкин – маленький и храбрый идеалист, никому не верящий [Сухих, 2005: 15].

Путь Тёзкина к Катерине наполнен духовным смыслом, при помощи которого герой осознаёт, что вся его жизнь зависит только от Божьего замысла – как и сколько ему надо было жить: «И потом кто тебе сказал, что мы обязательно должны быть счастливы?» [Варламов, 2010: 99]. Не приобретение, а обретение и устройство дома в деревне – событие, организующее жизнь главного героя романа. Тёзкин не выпал из целого, не разорвал связи, потому что находит любовь, понимание и сострадание, без которых никакие иные добродетели не важны.

Роман Варламова во многом посвящен тому, как страдает современный человек от своих духовных ошибок, не понимая, что причина его бед – не в злой судьбе или коварном роке, а в его собственных поступках.

В эпизоде ухода героя из дома проявлен мотив, отсылающий нас к евангельской притче о блудном сыне. Александр уходит из дома, чтобы, пройдя через ряд испытаний духовного плана, вновь вернуться, но вернуться преображённым. Скитание для Тезкина – путь постижения истинной веры, поиск,

который способен спасти человека от одиночества, от ощущения своей бесприютности и неприкаянности.

Тёзкин научился смирению. Сам герой оценивает себя следующим образом: «Да, идиотом, – ответил Тёзкин с вызовом, – если понимать под этим личную порядочность и честь» [Варламов, 2010: 92]; «Я хочу вернуться к тому состоянию, когда люди желали не изменить мир, а всего-навсего его понять» [Варламов, 2010: 131]; « Остаётся только эту судьбу возлюбить, какой бы злой она к тебе ни была, и следовать за ней с покорностью» [Варламов, 2010: 132]; «Ему стало жаль весь этот мир, которому ещё вчера он не мог простить смерти отца и вселенского разлада, и обида в его сердце сменилась тихой и ровной печалью» [Варламов, 2010:176]; «Тёзкин поглядел на него невидящими глазами, покачал головой и вперил взгляд в славословящее Создателя небо» [Варламов, 2010:179].

Критики определяют Тезкина как «нового лишнего», фиксируя в современной литературе наличие образа с неактивной жизненной позицией. Например, В. Курбатов пишет: «я предпочту проститься с Саней Тёзкиным с благодарностью и любовью, подольше побыть в его свете, потому что эти чувства делаются всё реже, тогда как грозные аккорды Апокалипсиса всё слышнее» [Курбатов, 2006: 4]. О. Гущина, считает, что «это произведение о человеке, не нашедшем своего места в жизни. Наверное, он один из тех, про кого можно сказать словами М. Ю. Лермонтова: «Над миром мы пройдем без шума и следа». Имея богатый творческий потенциал, Александр так и не реализовал его, постоянно мучаясь вопросами о несовершенстве себя самого и вообще бренности бытия». Оставаясь в принципиальном одиночестве, из-за которого Тезкин мучился и к которому в то же время стремился, чтобы постичь истинную христианскую веру. Но одновременно он тяготился своим одиночеством, до конца жизни страдая от невозможности быть рядом с любимой Катериной, страдая от неотвратимости смерти отца и невозможности довести до людей ту Истину, в которую верил [Личманова, 2014: 260].

Анализ образа главного героя романа А. Н. Варламова «Лох» позволил осветить в новом ракурсе проблему мировоззрения писателя на русскую действительность и сделать важные выводы о своеобразии его художественного мира.

Проанализировав судьбу героя-интеллигента в романе Алексея Николаевича Варламова «Лох» мы пришли к следующим выводам.

Сюжет романа «Лох» воссоздает культурную атмосферу эпохи, отражает субъективный авторский взгляд на политическую и литературную ситуацию в России на рубеже веков. Дает представление о духовности и нравственности русского национального характера, о христианском отношении к старшему поколению и людям другой национальности.

В своем произведении А. Варламов решает проблему судьбы страны в ее развитии с учетом особенностей российского менталитета. Автор стремится охватить практически все стороны нашего бытия, что делает произведение значительным явлением литературного процесса рубежа веков.

Герой романа «Лох» Александр Тезкин – это дитя советского времени конца 1980-х – начала 1990-х годов. Трагична судьба человека, который попал не на свою дорогу. Сюжетная нить повествования строится путем поиска героев своего смысла и места в жизни.

Определяющими для образа Тёзкина являются собственные Тезкина слова о том, что его не следовало бы спасать в ту страшную зиму в армии. В пошатнувшемся мире, показывает автор, и нет места для таких идеалистов, потому что интеллигентный человек, мыслящий и чувствующий, философ, стремящийся постичь смысл жизни и не желающий становиться торгашом или брокером, воспринимается здесь как «лох».

Обреченность присуща всем отношениям Тёзкина изначально. Это словно какой-то фатальный закон бытия, который Александр почти каждый раз предощущает. Трагические несовершенности, из которых складывается жизнь героя – это результат собственного выбора, той главной ошибки, которую он повторяет раз за разом во всех жизненных ситуациях.

Варламов создал произведение о герое, который искал пути к праведной жизни. Жизнь главного героя наполнена состраданием к судьбе русского человека, болью за будущее страны, верой в лучшее, поиском выхода из умирающего общества. К сожалению, единственным выходом для главного героя автор видит переход в другой мир – смерть, как освобождение от мучительных страданий, через которые проходит Александр Тезкин; другого пути и не существует в его мире.

Заключение

Анализ работ, посвященных феномену русской интеллигенции, показывает, что ее место в структуре социума, в отличие от «западной» интеллектуальной элиты, гораздо более проблематично: она ускользает от социальных классификаций, ее едва ли возможно квалифицировать с точки зрения профессиональной, классовой или какой бы то ни было иной принадлежности.

Традиционная оппозиционность русской интеллигенции, прежде всего, проявляется в её отношении к политическому режиму, к официальным религиозным и идеологическим установкам, но она может распространяться также на этические нормы и правила поведения.

Одна из главных составляющих нравственного облика интеллигенции – это постоянно артикулируемое служение народу. Однако в постсоветскую эпоху это в значительной степени изменилось – интеллигенция в целом не вписалась в новые экономические и культурно-политические условия; её немногочисленные представители по существу стали изгоями в обществе; само слово приобрело негативные коннотации (которыми, впрочем, оно «обрастало» уже в советское время).

Алексей Варламов создал произведение, которое пронизано болью за происходящее в России и судьбу народа. Он показал героя-интеллигента, стремящегося, не изменяя своим взглядам, помочь найти правильный путь для России. Таким путем Тезкин считал обретение веры.

Роман «Лох» воссоздает культурную атмосферу эпохи, отражает субъективный авторский взгляд на политическую и литературную ситуацию в России на рубеже XX–XXI веков.

Алексею Варламову удалось передать психологическую сторону в описании жизни позднесоветской интеллигенции и ее потомков – таких как Тезкин. Он показал столичную интеллигентскую среду: университетскую молодежь, мечтающую о хороших связях и прибыльной работе, «кухонные» разговоры интеллигенции. Алексей Варламов представил нам картину формирования

личности интеллигента, родившегося в самой обыкновенной интеллигентской семье в 1963 году (в этом же году родился и сам Варламов, что придает произведению автобиографическую напряжённость) и неустанно ищущего смысл жизни.

Как писатель-реалист А. Варламов показал социальную сторону России, начиная «с того года, когда вместо обещанного коммунизма наглухо задраенная олимпийская Москва поедала дешевый финский сервелат» [Варламов, 2010: 13] до того дня, когда по улицам ездили танки и «на московских улицах и площадях велись митинговые речи, где собрались все отцы демократии и потрясли кулаками, и все больше казалось, что [Тезкин и Голдовский — Г.Г.] присутствуют на грандиозной тусовке с давно уже и хорошо кем-то продуманным сценарием» [Варламов, 2010:190].

Герой показан глубоким рефлектиком, он проходит длинный путь интеллектуальных и нравственных исканий. Образ Тёзкина сформирован сочетанием нескольких взаимосвязанных мотивов, среди которых выделяются мотивные комплексы: «странничество – скитальчество – бродяжничество» и «избранничество – мученичество». Так, в начале романа любовница юного Тезкина не верит в искренность его чувств и заключает: «Откуда ты взялся-то только на мою голову? Ну, ей-богу, блаженненький какой-то!» [Варламов, 2010:11]. Характеристика Тезкина как «блаженного» станет устойчивым мотивом романа.

Желание понять себя, свой внутренний мир, обуславливает постоянные перемещения Тёзкина в пространстве, причём он не знает конечной точки своего пути – иными словами перед нами явный случай странничества. «Тёзкин неожиданно сказал родителям, что не желает быть никому обузой, а потому отправляется искать лучшей доли и когда вернётся, да и вернётся ли вообще, не знает сам. Его пробовали было отговорить, твердили, что в таком состоянии это просто самоубийственно, но всё было напрасно – сын уехал» [Варламов, 2010:52].

Одиночество, отчужденность, удаленность героя от мира людей преследовали до конца его дней, но в нем до последнего вздоха сохранялась внутренняя сила – это нравственная позиция героя, не понимающего и не применяющего нравы окружающего мира. Александр Тезкин становится личностью блуждающей в сомнениях по стране, в духовном поиске. «Единственное, что остается, только эту судьбу возлюбить, какой бы злой она к тебе ни была, и следовать за ней с покорностью» [Варламов, 2010: 132].

Постепенно мотив странничества вплоть до неразличимости сливается с мотивам бродяжничества и скитальчества. Тезкин постоянно меняет свое местоположение, пытаясь найти духовное равновесие. «Уйдя из дома и не взяв с собой денег» [Варламов, 2010: 57], он нигде подолгу не оставался. «Он объездил и исходил пол – Руси, был на Днепре, на Дону, жил в Почаевской лавре среди богомольников, сходил с бродягами» [Варламов, 2010: 58]. Но тоска гнала его дальше «добрался до Черного моря и осел в Гурзуфе» [Варламов, 2010: 59]. Когда его душа успокоилась, он вернулся в Москву.

Одиночество, скитание, поиски смысла приводят Тезкина к мысли, что именно «тоска делает человека философом и пророком на Руси» [Варламов, 2010: 107]. По А. Варламову, русский человек всегда занят поиском путей к праведной жизни. Ряд критиков определяет Тезкина как «нового лишнего», фиксируя в современной литературе наличие образа с неактивной жизненной позицией. В самом деле, Тезкин наследует «лишним людям» классической литературы XIX столетия. Имея очевидный творческий потенциал, Александр практически никак не реализовал его, постоянно мучаясь вопросами о собственном несовершенстве и несовершенстве бытия вообще, он ощущал себя «философом-самоучкой». «Но таланта у меня никакого нет, а такие люди становятся на манер меня философами-самоучками» [Варламов, 2010: 131].

Он одинок и несчастен, пытается реализовать себя, найти свое место, но каждый раз все его попытки оборачиваются катастрофическими последствиями для него и окружающих его героев – родителей, первой женщины Тезкина художницы Людмилы и других.

Главной темой художественных исканий А. Н. Варламова становится показ духовного роста героя Александра Тезкина. Вера в Бога начинает приходить к Сане Тезкину, когда он попадает в армию и заболевает туберкулезом. «Дитя своего безбожного времени, принципиально отказывавшееся ставить Богу свечку, он однажды ночью, глядя на звезды, вдруг задумался о своем посмертном существовании: так ли уж верно, что там ничего нет? И вдруг понял, что там, за звездами, обязательно есть иной мир» [Варламов, 2010: 36].

Решающий момент в обретении Тёзкиным веры символично приходится на Пасху. Он обращается к Богу с такой молитвой: «Господи, - прошептал он, - если смиловался Ты над всеми нами, если простил нам наши грехи и подарил Свою великую радость, подари мне мою – верни мне ее, умоляю Тебя, верни» [Варламов, 2010: 179].

В итоге Тёзкин приходит к пониманию того, что всё зависит от воли Божьей. Для героя важно не материальное благополучие, ни счастье с любимой женщиной, а внутреннее умиротворение: «кто тебе сказал, что мы должны быть обязательно счастливы» [Варламов, 2010: 99].

Духовным смыслом наполнен путь Тезкина к Катерине: «Тезкин шел по широкой зеленой улице и думал о том, что сейчас увидит Козетту, которую не видел пять с половиной лет – ужасный, тяжкий срок, неведомо как пережитое им испытание. Потом можно будет просто умереть и даже не увлекать за собой целый мир – пусть он живет, как ему заблагорассудится, столько, сколько ему назначено, но Тезкину – он это знал теперь наверняка – с этим миром не по пути» [Варламов, 2010: 194].

Единственным выходом для главного героя автор видит смерть как освобождение от мучительных страданий, через которые Тёзкин проходит на протяжении всего романа.

Список использованной литературы

1. Арсеньев К. Призыв к покаянию: (Феномен русской интеллигенции) // Арсеньев К. Невостребованные возможности русского духа. М., 1995. С. 59–68.
2. Афонский Л. Интеллигенция и государство. – М., 1998. №2. С. 147 – 160.
3. Байрау Д. Интеллигенция и власть: советский опыт: // Отечественная история, 1994. № 2. С. 12 –135.
4. Барбакова К.Г., Мансуров В.А. Интеллигенция и власть. М., 1991. 507 с.
5. Басинский П.В. Проза современного русского реализма. М., 1996. № 5. С. 19–30.
6. Белинский В.Г. Литературные мечтания // Белинский В.Г. В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории русской общественной мысли XIX и XX веков. В 2-х частях. М., 1994. С. 51–52.
7. Белинский В.Г. Россия до Петра Великого // Белинский В.Г. В поисках своего пути между Европой и Азией. М., 1994. С. 65–72.
8. Бельчиков Ю.А. К истории слов «интеллигенция», «интеллигент» // Филологический сборник (К 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). М., 1995. С. 62–69.
9. Бердяев Н.А. Бунт и покорность в психологии масс // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1993. С. 117–124.
10. Бердяев Н.А. Кризис интеллекта и миссия интеллигенции // Интеллигенция. Власть. Народ. – М., 1993. С. 281 – 285.
11. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 7–182 .
12. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1993. С. 125–140.
13. Бицилли П.М. Трагедия русской культуры // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 147–157.
14. Боровская Е.Р. Образ ребенка в современной русской прозе: творчество А.Н. Варламова // Боровская Е.Р. Мировая словесность для детей и о детях. М., 2004. Ч. 2. Вып. 9. С. 217–220.

15. Варламов А.Н. Последние времена: [сборник] // Варламов А.Н. Лох. М.: Астрель: АСТ: Полиграфиздат, 2010, С. 5–214.
16. Варламов А.Н. Я ищу причины, по которым талант реализовался // Литература. 2009. № 1. С. 31–34.
17. Воробьев О. Вехи: Интеллигенция в России / Сборники статей о русской интеллигенции 1909. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://lib.ru/Политология/XX/wehi.txt> (дата обращения: 17.05.2017).
18. Власова Г.И. Поэтика современной прозы в контексте православной аксиологии // В сборнике: Русский язык и литература в пространстве мировой культуры материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: В 15 т. 2015. С. 129–135.
19. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Соч.: В 14 т. Т. 4. М., 1959. 234 с.
20. Герцен А.И. Концы и начала // Интеллигенция. Власть. Народ. Антология. М., 1993. С. 26–44.
21. Грибов Л. Интеллигенция и реформы // Высшее образование в России. 1995. № 3. С. 51–58.
22. Давидович В.Е. Интеллигенция, идеалы, права человека // Давидович В.Е. Интеллигенция и нравственность. М. 1993. С. 110–127.
23. Дегтярев Е.Е. Интеллигенция и власть: // Е.Е. Дегтярев, В.К. Егоров Феномен российской интеллигенции и проблемы взаимоотношений интеллигенции и власти. М., 1993. С. 257–268.
24. Евдокимова М.П. Поворотные события в России конца XX века в произведениях русских писателей // Наследие Ю.И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории Материалы Второй Международной научно-практической конференции 2015. С. 72–75.
25. Жуковский В.А. Из дневников 1827–1840 годов. Публикация. Вступление и примечания А.С. Янушкевича // Наше наследие. 1994. №32. С. 35–47.
26. Иванов-Разумник Р.И. Что такое интеллигенция? // Интеллигенция. Власть. Народ. М, 1993. С. 73–80.

27. Ильин О.А. О русской интеллигенции // Ильин О.А. Интеллигенция. Власть Народ. М., 1993. С. 275–280.
28. Кормер В. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура. М., 1997. 209 с.
29. Курбатов В.Я. Отражение небесной битвы: заметки на полях книг Алексея Варламова // Литературная Россия. 2000. № 45. С. 3–4.
30. Курбатов В.Я. Спокойная ясность Варламова // Литературная Россия. 2006. № 5. С. 4.
31. Лейдерман Н.Л. Русская литература XX в.: 1950-1990-е годы. В 2 т. – М., 2003. Т.1. 468 с.
32. Личманова Т.О. Феномен «нового автобиографизма» в прозе А. Варламова, О. Павлова, М. Шишкина // Личманова Т.О. Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. №6. С. 259–262.
33. Лихачев Д.С. О русской интеллигенции Письмо в редакцию Новый мир. 1993. №2. С. 3–9.
34. Лотман М.Ю., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина русского языка» – неизвестное сочинение Семена Боброва) // Лотман Ю.М., Успенский Б.А.. Избранные труды. Язык и культура. Изд. 2-е испр. и перераб. М, 1996. С. 411–683.
35. Лотман М.Ю. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) Таллинн. [Электронный ресурс] Режим доступа: [gumer.info](http://gumer.info/Электронная_Библиотека_Гумер/History/uspen/12.php) Электронная Библиотека Гумер History/uspen/12.php. (дата обращения: 13.05.2017).
36. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина русского языка» – неизвестное сочинение Семена Боброва) // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1975. Вып. XXII. С. 82–85.

37. Лотман Ю.М., Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1977. Вып. XXVIII. С. 173–176.
38. Методический путеводитель. Русский язык и литература. №2. 2015. С. 9– 4.
39. Минералов Ю.И. История русской литературы: 90-е годы XX века: учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2002. 224 с.
40. Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. Изд. 4-е. СПб., 1909. Т. 4. 701 с.
41. Морсон Г.С. Бахтин и наше настоящее // Бахтинский сборник II. Бахтин между Россией и Западом. М., 1992 (на титуле – 1991). С. 402–409.
42. Нагуманова Э.Ф. Человек и эпоха в современной прозе о деревне (на примере творчества А. Варламова и Т. Галиуллина) // В сборнике: Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии Материалы Международной научно-практической конференции. под ред. Р.Р. Замалетдинова, Т.Г. Бочиной, Е.А. Горобец. 2016. С. 25 –260.
43. Прилерин З. Именины сердца: разговоры с русской литературой. 2009. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://online-books.net.ua/book/286/read/46/>. (дата обращения: 13.05.2017).
44. Сапов В.В. Манифесты русского идеализма / Три сборника: «Проблемы идеализма», «Вехи», «Из глубины»: – Астрель; Москва, 2009. 191 с.
45. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: учеб. пособие. М.:, Флинта: Наука, 2002. 608 с.
46. Словарь философских терминов. Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2007. 204 с.
47. Степун Ф.А. Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции // Степун Ф.А. Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. М., 1993. С. 6–10.
48. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. 824с.
49. Сухих О.С. Концепция личности в творчестве А. Н. Варламова // В сборнике: Грехнёвские чтения сборник научных трудов. 2005. С. 18–125.

50. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.). М., 1994. 242с.
51. Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/uspen/01.php (дата просмотра: 13.05.2017).
52. Федорова Т.А. Воплощение мотива судьбы в романе А. Варламова «Лох» // Гуманитарные исследования. 2008. № 2. С. 66–70.
53. Федорова Т.А. Мотив одиночества в романе А. Варламова «Лох» // Вопросы лингвистики и литературоведения. 2008. № 3. С. 57–62.
54. Федорова Т.А. Отражение национальной идеи в романе А. Варламова «Лох» // Актуальные вопросы филологических наук Материалы научной конференции. 2008. № 3. С. 26–28.
55. Фёдорова Т.А. Духовный смысл образа дороги в романе А. Варламова «Лох» // Гуманитарные исследования. 2009. № 4. С. 225–230.
56. Федорова Т.А. Религиозно-философский смысл мотивов одиночества, скитальчества и судьбы в романе А. Варламова «Лох» / В мире научных открытий. 2010. № 4–8. С. 106–108.
57. Федорова Т.А. Поэтика прозы Алексея Варламова: автореф. дис. кандидата филол. наук. – Астрахань, 2012. 17 с.
58. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры – СПб., 1991. Т. I. С. 66–125.
59. Федченко Н.Л. Духовный поиск и духовные блуждания Алексея Варламова. // Русское поле. 2013. № 20.
60. Хомяков Д.А. Православие как начало просветительное-бытовое, личное и общественное // Хомяков Д.А. Православие, самодержавие, народность. – Минск, 1997. С. 7–94.

61. Шмидт С.О. К истории слова «интеллигенция» // Шмидт С.О. Россия-Запад-Восток. Встречные течения. К столетию со дня М.П. Алексеева. М., 1996. С. 409–417.
62. Шмидт С.О. Подвиг наставничества: В.А. Жуковский – наставник наследника царского престола // Русское подвижничество. М., 1996. С.187–221.

Приложение 1.

Урок внеклассного чтения в 11 классе по роману А.Н. Варламова «Лох»

Задачи:

Обучающие:

- помочь учащимся осмыслить идейно-художественное содержание романа;
- увидеть авторское отношение к персонажу произведения;
- раскрыть образ героя, его судьбу;
- раскрыть особенности русского национального характера в романе А.Варламова «Лох»;
- сопоставить образ главного героя с героями фольклора, художественных произведений русской литературы XIX в.;
- интерпретировать смысл названия романа

Развивающие:

- развивать навыки аналитического чтения произведения;
- развивать умение выделять главное в художественном произведении;
- развивать чувство осознания себя и своего места в мире, понимания других людей, закономерностей мира.

Воспитывающие:

- воспитывать чувства гражданственности и патриотизма учеников через чтение и анализ художественного текста;
- воспитывать чувство гордости за русского человека;
- воспитывать чувство сострадания, любви к людям, окружающему миру.

Виды деятельности:

- поиск ответов на проблемные вопросы;
- сравнительный анализ произведений;
- взаимодействие, диалог;
- включение учебных задач в контекст жизненных проблем;
- творческие задания.

Планируемый результат:

- умение сравнивать и сопоставлять произведения и образы;
- умение видеть преемственность в развитии литературного процесса;
- умение подбирать аргументы;
- умение понимать сложность авторской позиции.

Тип урока:

- творческая мастерская.

Оборудование:

- текст романа,
- карточки с заданиями.

Эпиграф:

«И я тысячу раз дивился на эту способность человека (и, кажется, русского человека по преимуществу) лелеять в душе своей высочайший идеал рядом с величайшей подлостью, и всё совершенно искренно».

Ф. М. Достоевский

Ход урока

1. Организационный момент.

Индукция

1) Запись и комментирование эпитафии

- Чем, на ваш взгляд, Ф. М. Достоевского?
- Можете ли согласиться с этим утверждением?
- Можно ли назвать способность, о которой говорит Ф. М. Достоевский, чертой русского национального характера?
- В каких произведениях русской литературы ставится эта проблема?

2) Выступление подготовленного учащегося о жизни и творчестве А. Варламова

- Как вы думаете, современный писатель обращается к этой теме? Знаете ли вы имена авторов современной русской прозы?
- Учитель.
- Сегодня на уроке прозвучит новое для вас имя: Алексей Варламов.

3) Постановка главной и частных задач

- Сегодня мы обратимся к роману Алексея Варламова «Лох». Как вы думаете, какую проблему ставит автор данного художественного текста? (Это и будет темой урока.)
- Спрогнозируйте образ главного героя, опираясь на заглавие текста.

Вы неслучайно сегодня называли русских писателей, исследующих проблему русского национального характера. Давайте уточним, благодаря вашим первичным интерпретациям заглавия, с какими героями русской литературы мы можем сопоставлять образ главного героя.

(Ученики могут сами предлагать или отвечать на дополнительные вопросы.)

- Что обозначает слово «лох» в современном русском языке?
- В каких текстах мы встречаемся с образом «дурака» □
- Куда Саня отправляется?

Очень часто «дурак» лежит на печи.

- Кто из героев литературы не встаёт с дивана, не осмыслив прежде смысл бытия?
- Почему-то «дураку» приходится часто странствовать в тридевятое царство.
- Кто подарил читателям удивительный образ русского странника?

«Дурак» обычно руководствуется «своими» правилами, «своей» логикой. И если в сказках приходят на помощь волшебные помощники, то в литературе мы часто видим одиноких героев, не понимающих и не принимающих нравы

окружающего мира. Как не вспомнить «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова.

- Может ли «лох» что-то изменить в жизни?
- Какова сила его духа?
- Выражает ли он протест?

Мы обязательно должны выйти на сопоставление с образом «маленького человека» в русской литературе.

Таким образом, русский национальный характер в романе А. Варламова «Лох» мы будем рассматривать в контексте русской литературы XIX века и даже фольклора. Мы будем проводить интертекстуальный анализ как диалог с другими художественными текстами. Неслучайно, наверное, имя главного героя романа А. Варламова — Саня Тёзкин.

4) Работа с дополнительными текстами

Методический комментарий. Ученики получают вопросы на дом, распределив задания, работают до конца урока с дополнительными текстами

1-я группа — Саня Тёзкин и Иванушка-дурачок (ст. Е. Н. Трубецкого);

2-я группа — Саня Тёзкин и Обломов Илья Ильич (ст. В. Мельника);

3-я группа — Саня Тёзкин и Иван Северьянович Флягин (ст. М. Дунаева);

4-я группа — Саня Тёзкин и Григорий Печорин (ст. А. Ранчина);

5-я группа — Саня Тёзкин и «маленький человек» (обобщающая таблица «Тема “маленького человека” в русской литературе»).

II. Социоконструкция и социализация

Чтение и анализ фрагментов текста

(работа в группах)

1) «Лох» А. Варламова и русские народные сказки

- Можно ли увидеть в романе сюжетные элементы волшебной сказки:
- разлука — поиск — соединение?
- Куда Саня отправляется?
- Есть ли надежда у Сани Тёзкина на возвращение домой?
- Какие черты характера Сани Тёзкина сближают его с Иванушкой-дурачком?

2) «Лох» А. Варламова и «Обломов» И. А. Гончарова

- Можно ли Саню Тёзкина, как и Илью Ильича Обломова, назвать созерцателем?
- Похожа ли благословенная Купавна на мир Обломовки?
- Сопоставьте пары Саня — Лёва и Обломов — Штольц.
- Чем отличаются их характеры?
- Какую роль играет в романах дружба-противопоставление Обломова и Штольца, Тёзкина и Голдовского?
- Как разрешается в романах конфликт «обломовского»-«штольцевского» и «тёзкинського»-«голдовского» мировоззрений?
- Почему все женщины совершают выбор в пользу Тёзкина?

- Что их привлекает в нём?
 - Сопоставьте смысл финала обоих романов.
- 3) «Лох» А. Варламова и «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова
- В чём заключается внешнее и внутреннее одиночество героя?
 - Согласны ли вы с тем, что Саня одинок в семье, в работе, в любви?
 - Как сам Тёзкин определяет природу своего существования в мире?
 - Почему Тёзкин говорит, что у него седина в душе?
 - Почему Катя уверена, что в его сердце попала какая-то холодная колочка? Почему рассказчик называет его беспутным мальчишкой?
 - Действительно ли герои попали в эпоху безвременья?
 - Почему Лёва называет его «героем нашего времени»?
 - Согласны ли вы, что с кем бы судьба ни сталкивала Тёзкина, он всем приносит одни несчастья?
 - Сопоставьте поступки Тёзкина с отношением Печорина к жизни и к людям. Можно ли Тёзкина назвать «страдающим эгоистом»?
 - Какова роль женских образов в раскрытии образа Тёзкина?
 - Вспомните отношение Печорина к судьбе (глава «Фаталист») и сопоставьте с рассуждением героя: «Ты веришь в судьбу? А я верю. Верю в то, что живут где-нибудь на небе, а может быть, и на земле три старухи мойры: дающая жребий, прядущая и неотвратимая. И никуда от этих старух не уйти, и жаловаться, и пытаться что-то изменить — всё напрасно».
 - Раскаивается ли герой в своих поступках?
 - Изменялись ли представления Тёзкина о любви и семейном счастье?
- 4) «Лох» А. Варламова и «Очарованный странник» Н. С. Лескова
- Как мотив скитальчества выражает нравственную позицию героя?
 - Зачем герой отправляется в странствия по России?
 - Можно ли скитания героя по стране сопоставить с духовным поиском?
 - Какую роль в жизни Ивана Северьяновича Флягина и Сани Тёзкина играют видения?
 - Как они влияют на его жизненный путь?
 - Проследите авторское отношение к героям.
- 5) Образ «маленького человека» в романе А. Варламова «Лох»
- Почему при всей любви к родителям обращаться к ним за сочувствием он считал напраслиной?
 - Почему при всей омерзительности и беспомощности своего положения он не бросился к Кате со своей тревогой?
 - Как Тёзкин научился переносить страдания?
 - Как выстраивает Лёва способ выхода из «униженных — быдла — стойла — лохов»?
 - Почему не принимает это Тёзкин?

III. Афиширование

Выступления участников групп

IV. Разрыв, самоконструкция и афиширование

Учитель.

Слово «лох» связано с древнерусским корнем «лоха», что означает — «дура», псковск., тверск. Возм., от лошь — «плохой».

Близко к этому слово «простой»: церковнослав.

Простый, что значит несложный, неделимый на части, чистый от всякой примеси.

В современном же русском языке одно из значений — глуповатый, недалёкий. В русском мировосприятии слова простой, прямой, правдивый воспринимаются как родственные.

- Как вы теперь оцените поступки героя, его черты, его поиск?
- Какие качества героя мы оценим как положительные?

1) Поиск «инога царства» Иванушкой-дурачком и путь Тёзкина к Катерине наполнен духовным смыслом. Саня осознаёт, что вся его жизнь зависит только от Божьего замысла — как и сколько ему надо было жить.

2) По мнению одного из критиков, Саня, как и Обломов, глядит в сердцевину жизни, пока Лёва бежит «вширь». Не приобретение, а обретение и устройство дома в деревне — событие, организующее жизнь главного героя романа А. Варламова. Тёзкин не выпал из целого, не разорвал связи, потому что находит любовь, понимание и сострадание, без которых никакие иные добродетели не важны.

3) Они (Саня, Лёва) родные дети своей истории, своего времени, всё-таки будто чужие, будто узнали где-то какую-то главную человеческую правду, почувствовали её течение в своей крови, а как с ней жить — не ведают. Роман Варламова — это яркая, талантливая проповедь о том, как страдает современный человек от своих духовных ошибок, не понимая, что причина его бед — не в злой судьбе или коварном роке, а в его собственном сердце.

4) В эпизоде ухода героя из дома проявлен мотив, отсылающий нас к евангельской притче о блудном сыне. Александр уходит из дома, чтобы, пройдя через ряд испытаний духовного плана, вновь вернуться, но вернуться преображённым. Это скитание для него — путь постижения истинной веры.

V. Рефлексия

Беседа

- Что помог открыть вам А. Варламов в героях романа и в самих себе?
- Какие качества вы отнесёте к чертам русского национального характера?